

попаданец

ПОУСІЯНІ

Владимир
Марков-Бабкин

1917: ВПЕРЕД,
ИМПЕРИЯ!

Мир Нового Михаила

Владимир Марков-Бабкин
1917: Вперед, Империя!

«Издательство АСТ»

2019

Марков-Бабкин В.

1917: Вперед, Империя! / В. Марков-Бабкин — «Издательство АСТ», 2019 — (Мир Нового Михаила)

Лето 1917 года. Жаркое время. Император Михаил II возглавил революцию. Россия готова перейти в наступление на фронтах. Германия готовится нанести свой удар. Равновесие вот-вот обрушится, окончательно изменив привычный нам мир 1917 года. А пока император-попавший готовится заключить династический брак. Принцесса Иоланда Савойская, следуя государственным интересам Италии, должна отправиться в Россию. Какие страшные тайны скрываются за кулисами мировой политики? Тысячелетние «старые семьи» и «молодые выскочки», капиталам которых «всего лишь» пара сотен лет. Великие дома и монархи. Сложное переплетение денег и реальной власти. Высшая лига мирового могущества. Большая игра начинается...

© Марков-Бабкин В., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава I. Война за мир	10
Глава II. Письма, разговоры и большая игра	17
Глава III. Все приходит в движение	26
Глава IV. Тотальная война	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Марков-Бабкин

1917: Вперед, Империя!

Посвящается моей семье.

Спасибо Виталию Сергееву за помощь

Пролог

ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА от 26 июня 1917 года

Неспровоцированная атака германских войск на части Русского экспедиционного корпуса в Париже, повлекшая за собой потери среди русских солдат, не может остаться без ответа.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ повелел Российскому телеграфному агентству сделать заявление.

РОСТА уполномочен заявить, что с нуля часов по московскому времени 27 июня 1917 года Россия официально прекращает действие своей инициативы «Сто дней для мира» в отношении Германской империи. Берлинские милитаристы отвергли, возможно, последний шанс закончить войну на приемлемых условиях. Подлая атака на строго придерживающихся взятых на себя Россией односторонних мирных обязательств русских воинов не может быть прощена и дает нашей доблестной армии право на ответные действия в отношении Германии.

Призываем другие страны – участницы военного блока Центральных держав и далее воздерживаться от наступательных операций на всех фронтах.

Шанс на всеобщий мир еще не потерян для вас.

ОТ РОССИЙСКОГО ИНФОРМБЮРО

Оперативная сводка за 28 июня 1917 года

В течение минувших суток наши войска силами частей Русского экспедиционного корпуса совместно с частями Единой Франции вели бои на улицах Парижа против немецких оккупантов.

Продолжается восстановление порядка на юге Франции. Силы Русского экспедиционного корпуса совместно с войсками Единой Франции, Италии и Испании проводят операции против инсургентов Окситании. Вчера была восстановлена законная власть правительства генерала Петена в городе Брив-ла-Гайярд и его окрестностях. Полицейская операция союзных сил в регионе продолжается.

На других участках фронта ничего существенного не произошло.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ДОМ ИМПЕРИИ. 28 июня (11 июля) 1917 года

– Ваше императорское величество! По вашему повелению великий князь Николай Александрович удостоен высочайшей аудиенции!

Мрачно смотрю на бывшего самодержца. Тот слегка склоняет голову, обозначая формальный поклон.

– Государь, ты желал видеть меня.

Голос Николая сух, такое вот «приглашение на ковер» явно раздражает его. За истекшие со дня моего воцарения четыре месяца я старался не слишком злоупотреблять своим царственным правом. Может, и зря.

Киваю на два кресла.

– Присаживайся, брат. Есть серьезный разговор.

Мы расселись, и я продолжил после некоторой паузы:

– Опять наш с тобой разговор начинается схожим образом. Помнишь, как я тебя отговаривал тогда в Могилеве от поездки в Царское Село?

Тот помрачнел и хмуро ответил:

– Помню. А при чем тут это?

– А при том, дорогой брат, что я тебя тогда спросил, в курсе ли ты, что в империи заговор и что тебя собираются свергнуть? Ты тогда сказал, что в курсе, но предпринимать какие-либо меры отказался, оставив меня в Ставке, а сам уехал в Царское Село. Так?

– Допустим. И что?

– И сейчас я тебе вновь говорю – в империи заговор. И я смею полагать, что тот взрыв на Красной площади в день Пасхи, равно как и убийство нашего дяди в Тифлисе, это связанные между собой события. Пока мы не вышли на всех заказчиков. Однако пока твоему семейству лучше отправиться на отдых в Ливадийский дворец. Вам обеспечат надежную охрану.

Николай мрачно смотрит на меня.

– Чем вызвана подобная ссылка?

Пожимаю плечами.

– Заботой о вашей безопасности и безопасности империи. У меня есть сведения, что заговорщики могут вновь попытаться разыграть карту с возвращением трона якобы законному императору Алексею Второму. Ты помнишь, во что вылилась прошлая попытка переворота. Благо тогда, шестого марта, ты и твое семейство уцелели, а Россия отделалась лишь взорванным Зимним дворцом да сгоревшим Александровским дворцом в Царском Селе. Но все могло обернуться значительно хуже. Вспомни захват твоей семьи пьяными матросами и взбунтовавшимися солдатами царскосельского гарнизона. Тогда лишь чудо и Божественное провидение спасли жизнь твоему сыну. Моей жене, как ты помнишь, пережить захват дворца в Гатчине не удалось.

Мы помолчали. О чем думал Николай в этот момент? Возможно, о том, что воистину чудо спасло Алексея, когда все же удалось остановить кровь. Удар приклада, падение с лестницы и открытый перелом практически гарантированно должны были убить мальчика, больного гемофилией. А может, вспоминал свою душевную слабость, когда он заключил сделку с Богом, обещая в молитве отказаться от короны и посвятить свой дальнейший жизненный путь молитве и смирению. Я не знаю, о чем думал бывший император в этот момент. Но зато прекрасно знаю, чем закончилась бы вся история в случае, если бы я в ту ночь в Могилеве не поднял бы фактический мятеж, захватив Ставку и «самоубив» генерала Алексеева, возглавлявшего военный заговор против Николая. Равно как могу себе представить, чем закончилась бы история, если бы Николай тогда не отказался от короны за себя и за сына. Революция и гражданская война были бы неизбежными, а равно как гибель и всей его семьи. Ну и меня заодно.

Наконец, бывший царь очнулся от дум и спросил с горечью:

– И все же, почему мы должны уехать? Почему мы не можем остаться в Москве?

Хмуро смотрю на него.

– Возможно, я бы и согласился на это, если бы твоя супруга вела себя менее опрометчиво.

– Прости, я не совсем понял тебя.

– Твоя Аликс в последнее время стала активно наносить визиты.

Николай, уже враждебно:

– И что? Нынешние российские законы как-то запрещают великой княгине совершать визиты?

– Отнюдь, брат мой, отнюдь. Но, видишь ли, в чем проблемка – визиты-то не запрещены, а вот то, что твоя Аликс говорит при этом – все это имеет явные признаки государственной измены.

Бывший самодержец вскинулся.

– Объяснись!

– Более чем охотно, брат мой. Для того тебя и позвал. В свое время мы с тобой во имя блага государства российского железным образом условились, что с момента твоего отречения от престола за себя и за Алексея ты и твоя семья примете на себя великокняжеские титулы и будете им строго соответствовать. Так?

– Так.

– Однако ряд событий последнего времени вынуждают меня заявить: обрати, будь добр, внимание своей супруги, что говорить в великосветских салонах про то, что никто не может

ее лишить титула императрицы, не совсем благоразумно. Более того, рассуждать о том, что Алексей незаконно лишен права престолонаследия, да еще и делать это публично, еще более не здраво, ввиду того, что сие являет собой государственную измену. Не мне тебе говорить, что это все значит. Я не хочу выносить сор из избы, как говорят у нас в народе, но все это подводит к неприятным вопросам.

– Это к каким же?

Я криво усмехнулся:

– О, поверь мне, вопросы крайне неприятные, и у Высочайшего следственного комитета их крайне много. Например, странное совпадение, когда из-за якобы остро возникшей болезни Аликс, которую потом никто у нее не замечал, ваше семейство срочно отбыло в Крым, и это в тот самый момент, когда на Красной площади произошел взрыв и погибли сотни людей, включая нашу с тобой мамá и несколько членов императорской фамилии, а наша с тобой сестра Ксения осталась вдовой. И заметь, едва не погиб я сам, чуть не освободив таким образом престол Всероссийский.

– Но...

– Нет, позволь я уж договорю. Далее. Взрыв, погубивший в Тифлисе нашего дядю. Я ничего не знаю о том, может ли твоя супруга иметь к этому всему хотя бы теоретическое отношение, но разговоры в высшем свете идут именно об этом, и думается мне, что ты об этом знаешь.

Ники насупился, но промолчал. Продолжаю:

– Разумеется, я не верю в причастность Аликс к убийству Ник-Ника или к Кровавой Пасхе, но, как говорится, осадочек имеется. Слишком уж она много болтает, и слишком уж ей в этом контексте это все выгодно. Вспомним также о том, что официальной целью последнего, будем надеяться, мятежа от шестого марта сего года была попытка вернуть твоему сыну, так сказать, законный престол.

– Мне представлялось, что я четко ответил на этот вопрос, в том числе и на том твоём отвратительном балагане, который ты назвал пресс-конференцией!

– Ты – да, но твоя Аликс? Я ни в чем ее не обвиняю, пока, во всяком случае, но ты сам понимаешь, что значит государственная измена и какова цена определенности в престолонаследии! Я хочу, чтобы ты понял, что твоя семья находится в центре пристального внимания. Внимания общества, и не только.

– За нами шпионят?!

Хмыкаю.

– Разумеется. А с чего тебя это так удивляет, собственно? Ты же в свое время посылал людей шпионить за мной.

– Но ты тогда собирался сочетаться морганатическим браком!

– Ну, это да. Был грех. Сочетался. Однако твоя жена сейчас напрашивается на обоснованное подозрение в государственной измене, а это совсем другая тяжесть проступка, чем морганатический брак, не так ли?

– Но...

– В общем, так, Ники. Разговор не несет конструктива, а во времени я сегодня крайне стеснен. Думаю, что у Аликс вновь разыгралась ее болезнь, из-за которой она не смогла присутствовать на Пасху на Красной площади. Так что Крым в ближайшие месяца три будет весьма полезен для ее здоровья.

Николай помолчал, затем хмуро уточнил:

– Нам всем нужно выехать на «отдых»?

Киваю.

– Разумеется. В сложившихся обстоятельствах гарантировать вашу безопасность и безопасность России я могу, только убрав вашу семью, а в особенности Алексея и твою Аликс, из

Москвы подальше. Я вовсе не хочу, чтобы твоего сына вновь использовали как знамя мятежа. Равно как и не хочу, чтобы у России вновь украли победу в этой войне.

– Вновь?

Выругав себя за длинный язык, уточняю:

– Два мятежа сорвали нашу военную кампанию на этот год. И мы вместо победного марша по Берлину вынуждены были заниматься нашими внутренними проблемами, а армия вообще была неспособна наступать. Я не хочу, чтобы эта история повторилась.

Откуда ему знать, какой катастрофой для России закончилась Первая мировая война в моей истории?

ИЗ СООБЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (РОСТА) от 28 ИЮНЯ 1917 ГОДА

Продолжаются волнения в Австро-Венгрии, вызванные кровавым подавлением выступления 81-й Гонведской пехотной бригады из Будапешта, отказавшейся идти в наступление на итальянском фронте. Наблюдатели отмечают, что попытки использовать войска для восстановления порядка в Венгрии успеха пока не имеют.

Мы следим за развитием ситуации в этой стране.

Глава I. Война за мир

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ДОМ ИМПЕРИИ. 28 июня (11 июля) 1917 года

– Все готово, ваше императорское величество! Мы можем начинать.

Киваю. Да, начнем, пожалуй.

Государство – это я.

Так сказал однажды один французский король, приняв ослабленную, охваченную фрондой страну и создав величественную державу с непререкаемой абсолютной монархией и с собой любимым на троне. «Король-солнце» – так называли его. Как назовут меня? Кто знает. Титул Кровавый уже занят, так что я готов согласиться на что-то более скромное.

Империя – это я.

Так уж случилось. Бог свидетель – я этого не хотел. И всеми силами старался избежать. И вот теперь, бросив последний взгляд в зеркало, вновь вижу отражение человека, в теле которого я нахожусь вот уже четыре месяца. Высокий, статный, начинающий лысеть мужчина в полном расцвете сил. Худощавое породистое лицо, высокий лоб, усы по моде этого времени. Генеральский мундир строго сидит на стройной фигуре. Все как всегда. Лицо и тело брата Николая Второго, Михаила Александровича Романова. Михаила Второго, императора Всероссийского...

М-да...

Пора, мои министры ждут.

Адъютант распахивает двери. Генерал Кутепов передает мне папку со свежайшими сводками из императорского ситуационного центра.

Что ж, мы начинаем, господа!

ПАРИЖ. ФРАНЦУЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО. 28 июня (11 июля) 1917 года

Город горел. Среди руин, бывших еще несколько дней назад великолепными дворцами, шел тяжелый бой. Вскипали битым кирпичом разрывы снарядов, поднимали каменную крошку многочисленные пули, мелькали головы обороняющих квартал французских и русских солдат.

Немцы продвигались планомерно, оттесняя защитников все дальше и дальше вглубь французской столицы. Судя по всему, руины сгоревшего Лионского вокзала все еще служили своим бывшим пассажирам, защищая своими толстыми стенами засевших там солдат генерала Петена. Но было совершенно очевидно, что долго они там не продержатся.

Если британцы не подойдут вовремя, то город однозначно обречен. Слишком силен германец, слишком мало обороняющихся, да и с боеприпасами у них очень плохо. Расчеты на склады и арсеналы города не оправдались, поскольку, спешно покидая Париж, революционеры Второй коммуны все же успели взорвать артиллерийские склады и разграбить арсенал. Впрочем, на последнее времени у них было предостаточно, и они делали это планомерно, вооружая свои отряды. И где эти отряды? Разбежались. Теперь десятки и сотни тысяч единиц оружия наводнили некогда благополучную страну, обезображенную гражданской войной.

Имперский комиссар господин Мостовский лишь покачал головой, когда очередной тяжелый снаряд пролетел над его головой, неся смерть и разрушение в центр Парижа. Улицы были пусты, и лишь перебегающие солдаты союзников оживляли «пейзаж». Большая часть парижан покинула город или перебралась на западную окраину. Оставшиеся же прятались по подвалам, наивно полагая, что таким вот образом война пройдет мимо них.

За рекой виднелся сгоревший остов Notre Dame de Paris. Тысячелетний собор уже не дымил. Лишь почерневшие древние стены возвышались над Сеной.

Да, если британцы не успеют, то немцы войдут в самый центр. И один Бог знает, что останется от Лувра, Елисейского дворца, от Эйфелевой башни в конце концов.

Мостовский понимал французов. Вероятно, он точно так же сражался бы за Москву. Потеря Парижа могла поставить финальную точку в и так бесславной кампании 1917 года. Погруженная в пучину анархии и гражданской войны Франция могла не вынести оккупации столицы проклятыми бошами и пойти на сепаратный мир, надеясь бросить все силы на восстановление внутреннего порядка в стране. А это, в свою очередь, фактически обрушивало Западный фронт. В таких условиях британцам ничего другого не останется, как покинуть континент. Да и американцам будет сложнее переправлять войска, в случае если Франция выйдет из войны и объявит нейтралитет. И тогда Россия и Италия фактически оставались один на один с Центральными державами. С прогнозируемым печальным результатом.

Поэтому имперский комиссар понимал повеление государя. В сложившейся ситуации русская армия должна была помочь французам отстоять Париж. Париж стоит мессы, так, кажется? Даже если пришлось для этого досрочно прервать действие «Ста дней для мира».

ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ повелел Российскому телеграфному агентству сделать заявление.

Сегодня, 28 июня 1917 года, истек срок действия мирной инициативы, которая была выдвинута в одностороннем порядке Российской империей 20 марта сего 1917 года. «Сто дней для мира» строго и неукоснительно соблюдались нашим государством, Русской императорской армией и Российским императорским флотом, явив всем народам пример стремления к миру не на словах, а на деле. Россия приветствует стремление к миру со стороны других участников Великой войны, взявших на себя в одностороннем порядке такие же обязательства – не вести никаких наступательных действий на протяжении ста дней, дав таким образом шанс политикам и дипломатам действовать в направлении установления сначала перемирия на фронтах, а затем надежного, прочного и справедливого мира.

Пусть не сразу, но боевые действия были прекращены – сначала на Восточном и Кавказском фронтах, затем на Итальянском и Балканском, и, наконец, на Западном. В Европе перестали стрелять пушки, на море перестали идти ко дну торговые суда. Установление мира было близким, как никогда до этого. Народы мира вздохнули с облегчением, с надеждой взирая на своих государственных лидеров.

Начав наступление на Западном фронте, Германская империя перечеркнула надежды всех народов. Подлая и неспровоцированная атака на солдат Русского экспедиционного корпуса в Париже вынудила Россию официально отказаться от любых односторонних ограничений в отношении Германии.

В связи с чем РОСТА уполномочен заявить, что Российское императорское правительство обратилось со следующим посланием:

«К правительствам стран – участниц военного блока Центральных держав, к народам этих стран, к людям доброй воли во всем мире.

Вина за войну, вспыхнувшую вновь в Европе, целиком и полностью лежит на авантюристах Берлина. Ответ России не заставит себя ждать. Начиная с нуля часов по московскому времени 27 июня 1917 года Русская императорская армия и Российский императорский флот возобновили боевые действия на всех фронтах и во всех акваториях, где имеется непосредственное соприкосновение с германскими силами.

Давая еще один шанс для прекращения боевых действий и установления прочного мира, Российская империя и впредь будет воздерживаться от атак на союзные Германии войска, если таковые не будут участвовать в боях совместно с немецкими силами либо действовать самостоятельно на любых иных фронтах. Использование любых союзных частей для прямой или

косвенной помощи германской армии и ее флоту, а также использование войск союзников для прикрытия действий сил Германии будет расцениваться Российской империей как акт агрессии, освобождающий наши Императорские армию и флот от любых ограничений в отношении виновника.

Не обрекайте своих солдат на гибель, а свои народы на бедствия.
Москва, 28 июня 1917 года».

МОСКВА. КРЕМЛЬ. ДОМ ИМПЕРИИ. 28 июня (11 июля) 1917 года

– Господа! Его величество государь император!

Фигуры за длинным столом склонили головы.

– Добрый день, господа! Прошу садиться. Итак, начнем. Я так понимаю, что британцы так и не дошли до Парижа?

Министр обороны генерал Палицын поднялся с места:

– К сожалению, государь, части Британского экспедиционного корпуса застряли на подступах к Парижу, увязнув севернее города в подготовленной германцами обороне. В настоящее время идет сражение. Как нам сообщают представители великобританского главного командования, принято решение начать обход столицы, с тем чтобы соединиться с франко-русскими силами западнее Парижа.

– Плохо. Что сообщает Симонов?

– Исходя из донесений полковника Симонова на этот час, можно сделать вывод, что уличные бои приняли повсеместный характер и весь центр города превратился в поле боя. Германская артиллерия наносит Парижу огромный ущерб. К сожалению, имеются значительные потери среди личного состава русского Шестого особого ее высочества принцессы Иоланды Савойской полка и среди сил Единой Франции генерала Петена.

Я кивнул. Донесения полковника Симонова в целом совпадали с докладом моего личного представителя во Франции Мостовского. Внутренне отметив, с какой интонацией произносил Палицын имя итальянской принцессы, обращаюсь уже к главковерху:

– Василий Иосифович, как вы оцениваете боеготовность нашей армии в настоящий момент? Готовы мы к «Войне за мир»? Когда мы будем готовы начать наступление?

Верховный Главнокомандующий действующей армии генерал Гурко встал и, оправив мундир, твердо ответил:

– Ваше императорское величество! Как вы знаете, подготовка к стратегическому развертыванию войск велась исходя из ориентировочных сроков начала весенней кампании, то есть к 15 апреля будущего года. На этот год проводить крупные наступления ни на одном из фронтов, за исключением Кавказского, не планировалось. В связи с резко изменившейся обстановкой введен в действие запасной план развертывания, исходя из имеющихся сил. На Кавказском театре военных действий сосредоточение войск и выход их на исходные рубежи мы завершим к 15 июля сего года. На Юго-Западном и Румынском фронтах к 10 августа. Подготовка к десантной операции, исходя из имеющихся сил и плавсредств, будет завершена согласно предварительному плану к 25–27 августа.

Хмуро смотрю на генерала.

– Василий Иосифович, вы прекрасно осведомлены о том, с какой скоростью происходят события в Европе. Наше вмешательство может потребоваться значительно раньше. Насколько мы готовы к этому сейчас?

Гурко кашлянул в кулак и заметил:

– Государь, тут все зависит не только от нас. Многое зависит от того, в каком состоянии будет находиться оборона наших противников. Если части Австро-Венгрии и Турции явят миру образец стойкости и доблести, то наша попытка наступления закончится для нас катастрофой, поскольку к большому наступлению мы на данный момент не готовы. Однако если

их войска поведут себя так, как вели себя французы после провозглашения Второй коммуны в Париже, то, как показала практика, немцам для наступления хватило отдельных ударных батальонов Рора. Германцы двигались вперед, фактически не встречая сопротивления. К тому же так называемый мирный договор в Компьене фактически передал немцам Бургундию, Шампань и Пикардию, чем германцы и воспользовались, быстро оккупировав эти провинции. Если в той же Австро-Венгрии волнения примут масштабный характер, то это не может не отразиться на моральном духе и устойчивости войск, в особенности частей венгерского Гонведа и других национальных частей, кроме австрийцев. В настоящее время наблюдателями действительно отмечается явное снижение боевого духа противника. Австро-венгерские и турецкие войска значительным образом дезорганизованы и психологически подавлены. В этом случае, даже двинув вперед ударные батальонные группы при поддержке артиллерии и броневиков, мы вполне можем попытаться прорвать фронт.

– В какие сроки мы будем готовы?

– При ускорении разложения австро-венгерской армии я ожидаю завершение сосредоточения ударных батальонных групп на исходных позициях примерно к середине июля.

– А раньше?

Генерал четко ответил:

– Нет, государь.

Я помолчал, обдумывая сказанное. Черт его знает, что происходит. В той же Австро-Венгрии вполне могут так или иначе выступления подавить. Я не помнил в моей истории, чтобы двуединая монархия распалась в середине 1917 года, хотя волнения там случались регулярно. Конечно, мое попаданство весьма радикально изменило ход этой самой истории, но...

– Каков моральный дух в наших войсках? Пойдут они в наступление или устроят мятеж, как устроила австриякам 81-я Гонведская бригада, подняв на уши не только родной Будапешт, но всколыхнув всю Австро-Венгрию?

Гурко отвечал твердо, глаза не бегали, и выглядел он человеком, вполне уверенным в своих словах:

– Моральный дух войск сейчас очень высок. Примерно таков, каким был во времена Луцкого прорыва и сразу после него. Как мне представляется, в настоящее время мы имеем решительное моральное преимущество над противником на участках Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов.

– Ваши слова да богу в уши, Василий Иосифович.

– Государь, я привык отвечать за свои слова.

– Вот в этом можете не сомневаться. Хорошо. Каковы настроения в обществе? Не получим мы революцию в случае начала наступления? Вам слово, Николай Николаевич.

Министр внутренних дел доложил:

– Ваше императорское величество! Все зависит от успешности этого наступления. Если на фронте случится катастрофа, то тут ничего гарантировать невозможно. Общественные настроения неустойчивы, хотя следует признать, что стараниями Министерства информации удалось достичь определенного перелома в пользу продолжения войны. Особенно сильное впечатление произвел фильм «Герои крепости Осовец», да и многочисленные публикации о планах германцев отобрать у мужика всю землю, обратив в крепостных при немецких помещиках, также оказались весьма действенными. Так что непосредственно начало наступления, по моему мнению, не должно привести к каким-то волнениям, могущим поставить под угрозу стабильность власти в России.

– Понятно. Благодарю вас. Кстати, Борис Алексеевич, выражаю вам высочайшее благоволение за фильм и за работу вашего ведомства!

Суворин, сияя, поднялся.

– Благодарю вас, ваше императорское величество! Приложу все силы, чтобы оправдать высочайшую честь!

Кивнув главноуправляющему Министерства информации, я обратился к премьеру:

– Что со снабжением армии?

Председатель Совета министров генерал Маниковский не удержался от традиционной колкости в адрес Гурко:

– Ваше императорское величество! Невзирая на острую нехватку подвижного состава и паровозов, а также на саботаж со стороны командования Ставки, всячески препятствующего своевременному возврату вагонов, силами Главного управления военных сообщений обеспечен максимально возможный объем поставок вооружений, боеприпасов, снаряжения и прочего в действующую армию.

Генералы обменялись злобными взглядами.

– Отставить.

Я спокойно оглядел соперничающих. Вот же у них взаимная нелюбовь, прям кушать не могут! Зато меньше шансов, что сплотятся в очередном заговоре. Просто ни один из них не согласится видеть другого выше себя. Хотя, разумеется, для пользы дела такое соперничество не совсем хорошо. Впрочем, у меня таких нелюбимых всеми довольно много. Тот же мой министр двора и уделов генерал барон Меллер-Закомельский, фактический командующий гвардией генерал Бонч-Бруевич, генерал империи Брусилов или тот же «выскачка» – главноуправляющий Министерством информации господин Суворин. Да много их вокруг меня, обиженных прежним царствованием и амбициозных, желающих доказать мне и окружающим свое право на место под солнцем...

В общем, правило «разделяй и властвуй» никто не отменял.

– Итак, Алексей Алексеевич, насколько промышленность и транспорт готовы к большому наступлению?

Маниковский не торопился с ответом, очевидно, обдумывая свои слова (ведь, как он точно знал, за них придется отвечать).

– Ваше величество, промышленность, транспорт, как и армия в целом, планомерно готовились к весенне-летней кампании 1918 года. Новые образцы вооружений, танки собственного производства, грузовые и легковые автомобили, подвижной состав, патроны и боеприпасы – все это должно начать поступать в войска во второй половине года, с тем чтобы полностью насытить армию всем необходимым к апрелю следующего года. Те же обширнейшие поставки по программе ленд-лиза из США только-только начнут поступать в наши порты. Поэтому, если исходить из озвученных сроков экстренного наступления, то боюсь, что нашей доблестной армии придется рассчитывать все больше на имеющиеся силы и накопленные на складах к этому времени запасы. Разумеется, поставки мы постараемся обеспечить, но если кампания примет масштабы прошлогодней, то запасов надолго не хватит.

– Иными словами, промышленность и транспорт к большой кампании в этом году не готовы?

– Не готовы. Хотя сделаем все, что только возможно, государь. И все, что даже невозможно!

Киваю.

– Уж постарайтесь. По ленд-лизу никак нельзя американцев поторопить?

– Думаю, государь, что более точно смогут ответить на этот вопрос господин Свербеев и генерал Ванков.

Обращаюсь уже к министру вооружений и военных нужд:

– Семен Николаевич, что скажете?

Генерал Ванков поднялся, но так же, как и премьер-министр, выдержал некоторую паузу. Вот черт его знает, правда ли они там что-то обдумывают или же уже просекли мою нелюбовь

к скоропалительным заявлениям и стараются внешне держать марку? Будем надеяться, что первое, хотя реально меня устроит и второй вариант, лишь бы дело делалось. Точно и в сроки. А с этим, к сожалению, в России пока большие проблемы, несмотря на драконовские порядки и регулярные аресты и даже казни за саботаж и расхищение казенного добра в особо крупных размерах в условиях военного времени в местностях, объявленных на осадном или исключительном положении, к коим сейчас по факту относилась вся страна.

– Ваше величество! Полагаю, что кое-что сделать возможно. Например, можно ускорить отправку в Россию грузовиков FWD и Nash Motors. Особенно если убедить американское военное ведомство слегка умерить свои аппетиты, повременив с получением грузовиков под дивизии Экспедиционного корпуса, которые еще даже не начинали формирование. Много, конечно, мы не получим, но, возможно, сотню-другую полноприводных армейских грузовиков мы получить можем в самое ближайшее время. Еще, как мне представляется, можем договориться с фирмой Harley Davidson об ускорении отгрузки мотоциклов и колясок к ним. Благо американской армии, закупающей мотоциклы Indian Power Plus, они не нужны. По остальным позициям, в частности по артиллерии, пулеметам и боеприпасам к ним, нужно предметно разговаривать с американскими коллегами. Тут я не готов дать ответ. Но даже ускорив отгрузку, наша армия получит все указанное не раньше августа, скорее даже второй его половины. Так что вряд ли мы тут можем что-то получить до начала экстренного наступления. Тем более такие технологически сложные вещи, как шасси к броневику. Посему, ваше величество, не упуская из внимания расширение поставок из Америки, я бы сосредоточился на максимально возможном ускорении производства того, что уже получено. В частности, ускорить отправку в войска полугусеничных броневику ФВД-Путилов-Кегресс, Остин-Кегресс и колесных броневику Джеффри-Поплаво. Но тут важно, чтобы Министерство транспорта обеспечило своевременную поставку вагонов и срочную отправку указанных машин в войска.

Я взглянул на министра транспорта. Господин Свиягин встал и коротко ответил:

– Сделаем все возможное, государь.

– Хорошо.

– Дозволите, ваше величество?

– Да, Василий Иосифович.

Гурко вновь поднялся и заметил:

– Государь, действующая армия, разумеется, не откажется от новых броневику, но меня больше волнует своевременная подача топлива и масла, коих пока накоплено недостаточно. А та же 1-я броневбригада генерал-майора Добржанского без топлива наступать никак не может. Что же касается дополнительных броневику, то их решающая роль несколько преувеличена. Разумеется, они очень нужны в войсках, но смею напомнить, что на участке возможного наступления наша армия располагает тремя сотнями пулеметных и пушечных броневику, в то время как у австрийков броневику нет вовсе, и опыта борьбы с ними они не имеют. Посему главным для нас является именно обеспечение их топливом, боеприпасами и запасными частями. Как и снарядами для артиллерии.

Свиягин кивнул:

– Сделаем все возможное.

– Хорошо. Сергей Николаевич, мы можем ускорить решение наших вопросов в Америке?

Министр иностранных дел встал и заметил:

– Ваше величество, напомню, что администрация президента Вильсона ждет нашего ответа относительно признания независимости Польши. Уверен, что нам немедленно об этом напомнят.

Я хмыкнул.

– Да пусть напоминают, лишь бы отгружали. Помнится, они обещали очень сильно расширить объемы помощи России в случае нашей сговорчивости по Польше. Напомните им, в

свою очередь, что пока это все пустые слова, а бумаг с описанием этого самого «увеличения помощи» мы пока никаких не получали. Так что пусть в Вашингтоне готовят свои предложения, а пока ускоряют отгрузку того, о чем договорились ранее.

Свербеев склонил голову и сел в кресло.

Что ж, за Польшу мы еще яростно поторгуемся. Тем более что на данный момент Польша оккупирована немцами, и мы тут пока продаем соседскую корову. А выбить германца оттуда будет крайне непросто. Скорее – невозможно, или стоит будет совершенно чудовищных потерь. Разве что Германия капитулирует и сама выведет свои войска оттуда. Слишком уж они там укрепились за это время. А оплачивать Польшу жизнями сотен тысяч русских солдат я не готов, ибо неблагодарное это дело. Никто этих жертв не оценит, как учит нас история.

Глава II. Письма, разговоры и большая игра

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО». 29 июня (12 июля) 1917 года

– Вы испросили срочную аудиенцию. Что-то случилось?

– Случилось, ваше императорское величество! На девять утра завтрашнего дня был назначен старт второй экспедиции к месту падения марсианского корабля. Мы уже начали погрузку оборудования и прочих припасов. Но тут на авто приехал генерал Кованько и объявил, что отправка экспедиции откладывается на неопределенный срок, а дирижабль прикомандировывается в Министерство информации к господину Суворину. Приказал разгружать припасы и тут же уехал, не слушая никакие мои аргументы! Я немедленно обратился в вашу Канцелярию и испросил срочной аудиенции, как вы мне позволили делать при насущной необходимости. Это возмутительное и совершенно безобразное происшествие – сорвать отправку, возможно, одной из величайших экспедиций в истории современной науки! Я решительно протестую!

Циолковский и дальше изливал мне в уши свою печаль. Эмоционально и решительно, как он умеет это делать. Плевать ему на все чиновничьи и прочие верноподданнические пиететы с этикетами. Прямой и решительный, он шел к своей цели. Другое дело, что с организационными способностями у него, как у любого гения науки, было не все хорошо. Но для этого я ему организовал помощников.

Я смотрел на ученого, который то и дело в нервном возбуждении теребил свою бороду, и невольно сравнивал его с образом, который был привычен мне из истории, где он был глубоким стариком с огромным металлическим конусом, при помощи которого он пытался расслышать то, что говорили окружающие. Ничего подобного! Ему сейчас всего-то пятьдесят девять лет – самый расцвет для ученого мужа! А уж как он кипятился...

– Да, Константин Эдуардович, я в курсе. Всем дирижаблям, всей Первой особой воздушной дивизии временно изменили установленные графики полетов. И ваш «Гигант» не исключение.

Один из первопроходцев воздухоплавания и космонавтики насупился. Наконец хмуро поинтересовался:

– Могу я узнать, чем вызван подобный переполох?

Хмыкаю.

– Вы, Константин Эдуардович, газеты читаете?

– И даже радио слушаю, ваше величество.

– Прекрасно. Значит, вы должны быть в курсе того, что происходит сейчас в Европе.

– Война.

Киваю согласно.

– Именно. Более того, идут сражения на улицах Парижа, британцы застряли на его подступах, вся Франция охвачена гражданской войной. Беспорядки в Швейцарии, военный переворот в Испании, германцы наступают на Западном фронте. Америка вступила в войну. А уж что творится в Австро-Венгрии, и описать трудно – сплошные беспорядки, местами перетекающие в баррикады и стрельбу.

Ученый изобразил недоумение.

– Я все это слышал. Но я не совсем понимаю, ваше величество, какое отношение это все имеет к отмене плановой экспедиции в район Подкаменной Тунгуски.

Поднимаю бровь.

– Ну, в общем-то, можно сказать, что и никакого. Если вы уже овладели марсианскими технологиями и можете перенестись на три с половиной тысячи верст без дирижабля, то я

буду только рад и горячо пожму вашу руку. Или вы желаете на поезде отправиться, а потом на лошадях?

– Нет, на поезде решительно невозможно, к моменту, как мы туда доберемся, уже закончится сезон, погода испортится, и нам там будет совершенно нечего делать. Мы просто не сможем работать до самой весны, а потому будем вынуждены либо вернуться, либо зимовать где-то в Сибири, поближе к месту катастрофы. Но это все будет время, которое украли у науки. Нам нужен дирижабль!

Киваю головой сочувственно.

– Понимаю, Константин Эдуардович, понимаю. Но пока не могу ничего с этим поделать – все дирижабли заняты срочной транспортировкой грузов на фронт, поскольку боевые действия на Кавказском и на наших западных фронтах могут начаться в любой момент, а войскам срочно нужны военные грузы. Поэтому мы вынуждены задействовать для этой цели все, что у нас есть. Много дирижабль не поднимет, но зато он может осуществлять доставку грузов с большой скоростью, преодолевая за пару дней то расстояние, которое заняло бы неделю, а то и две по железной дороге. А у нас каждый час на счету сейчас. Поверьте, я с тяжелым сердцем давал согласие на привлечение дирижабля «Гигант» к этим перевозкам, вы знаете, как я отношусь к марсианскому проекту, но на карту поставлена судьба отечества, прошу это понять. Даже тысяча пулеметов и автоматов Федорова могут решить исход большого сражения.

Циолковский почесал бороду, а затем возразил:

– Однако, ваше величество, дирижабль у нас забрали вовсе не для перевозки пулеметов. «Гигант» передан Министерству информации. И я решительно не понимаю, какими аргументами тут руководствовались. Сомневаюсь, что господин Суворин туда отправится с автоматом Федорова в руках! Насколько мне известно, в дирижабль погрузили какое-то кинооборудование и много упаковок, видимо, с газетами.

– Константин Эдуардович, а не хотите ли поступить в разведку? А? Пожалую хороший чин, жалование, паек...

– Нет, государь, не хочу.

– Ну, раз вы узнали, что именно погрузили в дирижабль на Ходынском аэродроме, то должны же вы понимать, что войны выигрываются не только пулями, но и словом. Открою вам военную тайну: дирижабль «Гигант» везет в войска триста копий фильма «Герои крепости Осовец», кино- и фотоматериалы про преступления против русского населения в Германии и Австро-Венгрии, против христиан Турции, про концлагерь Талергоф, про германские планы отобрать у русского мужика всю землю и ввести крепостное право с немецкими помещиками. Дирижабль везет в своем чреве десятки тысяч экземпляров плакатов и газет с лубочными картинками. А вы говорите – пулеметы...

Ученый хмуро кивнул, но не сдался.

– И все же, ваше величество, когда мы можем рассчитывать на возвращение нам «Гиганта» или любого другого дирижабля, который сможет нас доставить к месту катастрофы марсианского корабля?

Я покачал головой.

– Боюсь, что это зависит от того, начнутся ли боевые действия в ближайшее время. Потерпите недели две-три.

Циолковский отчаянно замахал руками.

– Это решительно невозможно, государь! Решительно! Мы упустим сезон и ничего не успеем в этом году!

Пожимаю плечами.

– Ну, марсианский корабль, если он там есть, конечно, пролежал в тайге девять лет. Подождет, я думаю, и до весны.

– Ваше величество! – Циолковский буквально вскричал. – Я же вам уже говорил, мы можем потерять все! Это преступление против российской и мировой науки! Все будущее человечества поставлено на карту!

И в таком вот духе. Я слушал, кивал. А что я мог сказать? Что марсианского корабля там не было, нет и не будет? Что Марс вообще необитаем? Ага, конечно, я для этого всю эту историю придумал, дирижабль к месту падения Тунгусского метеорита гонял, жуткие ящики из дирижабля в страшной Сухаревской башне прятал, вот это вот все зря, что ли?

Я ж не виноват, что события в Европе пошли совсем не так, как планировалось, и у меня нет, похоже, возможности ждать до весны 1918 года с ударом! Если я сейчас не ударю, то меня самого ударят. Причем свои же. Возможно, даже табакеркой...

– И, ваше величество, если мне будет дозволено, я хотел уточнить по поводу Сухаревской башни...

– А что с ней?

– Я хотел бы поработать с привезенными образцами.

– Константин Эдуардович, это секретный военный объект, подчиненный, как вы догадались, Министерству обороны, гражданским лицам там совершенно нечего делать. Вы же получили материалы и образцы для изучения.

– Но, государь, нам выдали лишь два ящика. А было их целых три грузовых автомобиля. Вот и газета господина Проппера из Стокгольма даже назначила щедрую награду за любые сведения о тайном грузе.

– Желаете получить эту награду?

– Я ученый, ваше величество. Деньги для меня не имеют цены. А вот знания! Что-то же привез дирижабль из Сибири в первую экспедицию, которая была засекречена! И как-то странно, что объект Министерства обороны охраняют солдаты Отдельного жандармского дивизиона. И я вновь ходатайствую перед вашим величеством дать мне допуск к этим секретам. Готов подписать любые обязательства по охране государственной и военной тайны.

– Я подумаю. И жандармы, чтоб вы знали, проходят службу как чины Министерства обороны, а ваш хваленый Проппер – балабол. Меньше его читайте, а то будут по ночам являться тринадцать черных всадников вокруг страшной Сухаревской башни, где нашли Черную книгу колдуна Брюса. Вы же ученый, а всякую чушь читаете. Нет там ничего мистического, и живых марсиан в башне тоже нет.

ТЕКСТ ВИТАЛИЯ СЕРГЕЕВА УРОКИ НОВОЙ КОММУНЫ

Товарищи! Трудящиеся, социалисты и революционеры всех стран!

Сегодня стало окончательно известно, что Новая коммуна в Париже пала, не продержавшись и половины от 72 дней Первой коммуны. Многим кажется, что дело революции погублено. Считаю сегодня это архипоасным заблуждением! Коммуна жива! Восстание в Петрограде и коммуна в Париже – всего лишь спички и запальные свечи для мировой революции!

Важно понять, что оставление коммунарами Садуля Парижа не есть поражение. Так же как не было поражением оставление 2 (14) сентября 1812 года Кутузовым Москвы. Революционная армия отступила в Окситанию и Бургундию. Красное знамя поднимают новые и новые города Франции и других стран Европы. Восстания в Ирландии и Каталонии, революционные бои в Швейцарии, волнения в Венгрии, забастовки и манифестации в Лондоне, Бирмингеме, Праге, Гамбурге, Милане, Вене – верные признаки того, что искры коммуны воспаляют Европу.

Три года ужасной и бессмысленной мировой бойни погрузили воюющие страны в хаос и нищету, подорвали веру народов своим правительствам, истощив с этим и способность самих этих правительств тушить и душить малейшие ростки недовольства. Пример Франции в этом поучителен и показателен: чтобы задушить коммуну Парижа, буржуазии потребовалось объединить усилия со своими союзниками по Антанте и своими врагами немцами. Как и в 1871-м, в коммунаров дружно стали стрелять и собственная буржуазия, и пруссаки. К ним в исступлении присоединились буржуа Англии, Испании, Италии и поднявшие бурные знамена дворянчики михайловской России.

Революция – всегда гражданская война. И это прекрасно понимают русское дворянство и европейская буржуазия. Наученные опытом Первой коммуны, эксплуататоры всех стран первыми перевели войну империалистическую в войну гражданскую. Буржуазия понимает, что победа революции в одной стране неизбежно приведет к мировой революции и падению капитализма по всей земле. Потому они так самозабвенно и дружно набросились на коммуну. И нам, пролетариату и революционным социалистам, нужно крепко выучить этот урок! Мировому вооруженному и организованному капиталу может противостоять только вооруженный и организованный рабочий Интернационал. Интернационал, готовый не только словом, но и делом, не только митингом и прокламацией, но и винтовкой поддержать своих товарищей и не идущий ни на какие соглашения с национальной буржуазией.

Новая Парижская коммуна допустила много ошибок. Она погрязла в говорильне и не создала революционной армии. Она не установила жесточайшую пролетарскую диктатуру, обеспечив неукоснительно проведение воли пролетариата, работу городских служб и предприятий, снабжение и порядок. Она не смогла защитить свои завоевания в Париже.

Все эти ошибки не случайны. Французские рабочие больше не могли терпеть произвола капитала и ужасов войны, а буржуазия не могла более управлять по-старому. Революционный порыв парижан был спонтанен, их порыв не был организован, их не вела в бой революционная пролетарская партия. Ее не было во Франции, ее не было ни в какой другой стране мира.

В условиях разрухи и наступления реакции и интервентов руководство Коммуны сделало все, чтобы изжить этот недостаток. Заключив мир с Германией, собрав в Париже все европейские социалистические силы, коммунары дали время и место для рождения организующей силы мировой революции. Окруженная реакционерами и интервентами Вторая коммуна в Париже не могла устоять. Но она дала шанс пролетариату всех стран в будущих битвах.

Сгорая в пожаре международной интервенции, Вторая коммуна объединила коммунаров мира в Революционный Социалистический Интернационал. Интернационал, который не даст делу коммуны угаснуть! Именно этот коммунистический Интернационал и является главным уроком, вынесенным пролетариатом из революционной жертвенности Второй Парижской коммуны. Пока жив наш Интернационал – дело коммуны не погибло!

В. И. Ленин

Председатель Исполкома РСИ

**ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ПРИНЦЕССЫ ИОЛАНДЫ САВОЙСКОЙ ИМПЕРАТОРУ
ВСЕРОССИЙСКОМУ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ. 30 июня (13 июля) 1917 года**

Ваше Императорское Величество!

Сердечно благодарю Вас, за столь теплое послание. Уверена, что все мы, весь Савойский дом и весь народ Италии, будем счастливы видеть Вас на итальянской земле. Отдельное спасибо за столь искреннее приглашение посетить Вашу великую страну. Верю, что многие итальянцы смогут обрести в России свое счастье и свое второе отечество.

С болью узнала известия из Парижа, где германские войска атаковали силы Русского экспедиционного корпуса. То, что полк, носящий ныне мое имя, сейчас сражается на улицах французской столицы, то, что там воюют офицеры и солдаты, которых я имела честь встречать и провожать в Риме, то, что бой с немцами ведет полк, шефом которого Вашей милостью я являюсь, – все это позволяет мне чувствовать себя причастной к величию этих людей. И верю, что мундир полковника 6-го Особого ее высочества принцессы Иоланды Савойской полка Русской императорской армии я буду иметь честь надеть, приветствуя вернувшихся с фронта героев.

Р.С. Очень жду, когда в Рим доставят копию столь нашумевшего фильма «Герои крепости Осовец». Читала Ваше выступление перед георгиевскими кавалерами в Кремле после премьеры этой кинокартины. Вы, Ваше Величество, совершенно правы – в крепости Осовец сражались не какие-то уникальные солдаты. Из таких солдат состоит вся русская армия, и я имела возможность убедиться в этом лично.

Р.Р.С. Узнала от князя Волконского о том, что Вы, Ваше Императорское Величество, не только одобрили созданное общество «Италия – Россия», но и повелели создать аналогичное общество в России. Искренне благодарю Вас за это решение. Подобные взаимные начинания смогут по-настоящему сблизить нас, Италию и Россию, в этот сложный час для всего человечества.

Всегда Ваша,

Иоланда

Рим, Квиринальский дворец,

13 июля 1917 года

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО». 30 июня (13 июля) 1917 года

– Разбивайте, государь!

Резкий удар кием, и шары с грохотом рассыпались по бильярдному столу. Я сменил позицию и вогнал шар в лузу. Снова. И снова. Однако ничто не вечно под луною, в том числе и удачные ходы. Евстратий кивнул и, посмеиваясь, стал выбирать позицию для удара.

Мне нравилось играть с Елизаровым. Во-первых, он четко понял, что я не терплю никакого подыгрывания. Во-вторых, он мало зависел от моего расположения духа, будучи весьма полезным мне. А в-третьих, он был лицом сугубо неофициальным и непубличным, и оттого общественное мнение его всецело не заботило.

Зато общественное мнение сильно заботило меня. Причем не только то, которое измеряется массовыми величинами, но и конкретные разговоры в конкретных домах. Благо люди в массе своей существа весьма болтливые и беспечные, а свою прислугу считают предметом мебелировки. Но и мебелировка имеет уши.

– Что говорят в высшем свете?

Евстратий спокойно обошел бильярдный стол и лишь затем ответил:

– Фильм обсуждают. Суворина ругают.

– За что ругают?

Мой камердинер пожал плечами.

– Да почитай за все. Высочка, хам, не их круга человек, тянет за собой всяких проходимцев себе под стать. Ждут, когда удача отвернется от него и он попадет в опалу. Тогда отыграются на нем за все. Втопчут в грязь не колеблясь.

Киваю.

– Ну, это понятно. А что еще интересного?

– Интересного? Заговоры обсуждают, государь.

– Заговоры? Вот как? Интересно. Отчет, смею полагать, у тебя уже составлен?

– Обижаете, ваше величество! Вон папка на столике. С именами, кто что сказал, кто к кому ездил, ну, все как обычно, чин по чину.

– Хорошо, братец, посмотрю.

Заговоры. Да, опять заговоры. И Елизаров не единственный, кто мне об этом докладывает. Имперская СБ не дремлет, Отдельный корпус жандармов также, да и Высочайший следственный комитет работает во всю мощь. Да и военная контрразведка сообщает о резкой активизации германской агентуры у нас в тылу. Да что там в тылу, когда в столицах такое творится!

Так что, отправляя Николая с семейством в Крым под охрану, я вовсе не блефовал, рассказывая о заговоре. Разумеется, в вину Аликс я не верил. Баба-дура, что с нее взять, хоть и бывшая императрица. Настоящие заговорщики не ходят по салонам и не треплют языком где ни попадя. Так что отправлял я их в Крым сугубо в качестве превентивной меры – подальше от столиц да под больший контроль, дабы всегда точно знать, где они и что с ними. Ибо как бы я ни относился к своему нынешнему брату, но игнорировать смертельную угрозу от самого факта существования «истинно законного императора» я никак не мог. Как бы там ни было, но российские законы не предусматривали процедуры отречения действующего императора от трона. Павлу Первому даже в голову не могло прийти, что государь император Всероссийский может так поступить. Поэтому в подробнейшем перечне действий на все случаи престолонаследия подобному места не нашлось. А потому любое отречение является априори действием, закону противоречащим. Так что при желании Николай вполне мог заявить «Аз есмь царь!». И невозможно будет сказать, что он не прав. Особенно если подкрепить сие заявление парой мятежных полков.

Да, в «Акте о престолонаследии» есть пункт, именуемый в действующем законодательстве параграфом 38: «Отречение таковое, когда оно будет обнародовано и обращено в закон, признается потом уже невозвратным». Это да. Но загвоздка в том, что пункт сей относится только к вопросам принятия короны или отказа от нее в случае наследования. Однако как это рассматривать с точки зрения отречения императора *действующего*? А вот как-то так. Можно и так, а можно и эдак. Пока сила на моей стороне – я однозначно прав и являюсь императором, а стоит чуть зазеваться, то как бы и не совсем, а может, уже и совсем не совсем. Как посмотреть!

А уж за сына Николай вообще никак не мог отречься! Что значит «не желая расставаться с любимым сыном» отрекаюсь за себя и за него? Нормальная постановка юридического вопроса государственной важности? Даже если представить себе, что сам Николай отрекся лично за себя и пошел на пенсию ворон стрелять, то и в этом случае Алексей должен автоматически стать его императорским величеством государем императором Алексеем Николаевичем! А то, что он пацан малолетний, так об этом как раз в законе все указано. Назначается при малолетнем императоре регент, именуемый правителем государства, при котором действует Регентский совет. И правят они от имени мелкого царя до самого его совершеннолетия, которое по закону наступает в шестнадцать лет. Так что по закону никаких «отрекаюсь за себя и любимого сына» быть не может.

А я даже боюсь себе представить в нынешней ситуации слабого малолетнего императора на русском троне в условиях мировой войны и общей катавасии. Да еще Регентский совет – кто в лес, кто по дрова. И хорошо, если соберутся государственные мужи, а не вороватые авантюристы-проходимцы, коих в высших эшелонах власти предостаточно. Российская история уже повидала подобное правление толпы негодяев при малолетнем мальчишке, у которого еще игрушки в голове. Я уж не говорю о том, что Алексей болен гемофилией, а значит, не может полноценно исполнять работу императора. Не говоря уж о том, что болезнь грозит ему гибелью от любого кровотечения.

Могу ли я в таких условиях уступить корону? Нет, даже если бы сильно хотел. А я не хочу. Изменить что-то в России я могу, лишь обладая всей полнотой власти и ясным пониманием целей и задач, стоящих перед страной на десятилетия вперед. Ничего сделать, будучи просто сильным человеком за кулисами трона, или даже главой правительства, я не смогу. Просто не дадут. Так что – нет. Не отдам корону. Тем более я вообще не вижу среди претендентов на престол хоть кого-нибудь подходящего для этой работы.

А еще потому, что меня убьют после этого.

Я с какой-то ненавистью вогнал шар в лузу. Елизаров покосился на меня, но, понятное дело, лезть в государевы думы не стал.

А как все было просто раньше, в родном 2015 году! Вкушал, так сказать, все прелести бытия. Руководил себе медиа-холдингом, командовал процессом, менял авто и любовниц, коллекционировал места отдыха. Мальдивы всякие, Мальту, Дубай, Сейшелы да Швейцарию с Новой Зеландией. А где я побывал в этом времени? В Питере вот побывал. И меня пытались там убить, взорвав вместе с Зимним дворцом. В Москве тоже пытались, устроив взрыв на Пасху прямо под моей трибуной на Красной площади. И в Могилеве пытались дважды – один раз волки, второй люди, а еще я там чуть не погиб в авиакатастрофе. А вот в Орше меня убить не пытались, зато там мой расчудесный новоявленный братец Николя сбросил на меня корону, будь она неладна! Ах да, еще запечатывал Гатчину, меня там также пытались грохнуть. Убить не убили, но жена погибла. Ну и что с того, что графиня Брасова была женой моему прадеду, если я, на минуточку, в его теле?

И скажите после этого, что быть царем – это так прекрасно! Да за четыре месяца я шесть раз был на волосок от смерти и выжил лишь чудом! Когда закончится мое везение?

Вот та же история с «законным императором» когда-нибудь выстрелит, причем в самый неподходящий момент. Что сделали бы в такой ситуации правители Европы в славные времена старика Макиавелли? Приказали бы перебить на пиру все Николая семейство. С криками, кровью и все как положено. И показали бы головы убитых изумленной публике, чтоб никто не сомневался. На Востоке бы действовали тоньше, отравили бы или тихо удавили. В романтические времена «короля-солнца» такого «истинного» навечно бы законопатили в Бастилию, сопроводив отдых пожизненной железной маской. Да что там говорить, когда даже давеча в Париже гильотинировали бывших президента и премьера Франции. Чтоб не претендовали на власть коммунаров. И это если не вспоминать, как решили радикально проблему Николая с семейством большевики в моей истории, перестреляв в подвале дома купца Ипатьева всю семью, прислугу, доктора и, говорят, даже собак. На всякий случай. Мало ли что.

Понимает ли Николай, в какую дилемму я попал, в какой соблазн он меня ввел и чем ему с семейством это грозит? Разумеется, он все понимает. Тем более что повешенные на Болотной площади в один ряд Владимировичи четко дают понять, что если что, то рука моя, как говорится, не дрогнет. Невзирая на титулы и родственные отношения. Впрочем, вешали тех троих уже после того, как я лишил их великокняжеских титулов, чинов, наград, а заодно и имущества. А маму ихнюю вместе с беременной женой одного из них я без колебаний отправил в Сибирь на вечное поселение.

Хотя в тот день повесили принародно еще три десятка человек – бывших генералов, бывших высокородных аристократов, бывших миллионеров, бывших сенаторов и членов Госдумы. Уже окончательно бывших.

Ибо нечего мне тут заговоры плести.

И тут – бац! Я такой красавец – отправил Николая с семьей в Крым, да еще в июле! На отдых! Как будто нет в стране войны.

Гуманист хренов!

Скажут же в высшем свете, вот, мол, размяк Миша, расслабился. Вон, Аликс наговорила как минимум на ссылку в Сибирь, а Мишка наш их в Крым, чтоб не обидеть ненароком. Слюн-тай наш Миша. Можно его голыми руками сейчас брать.

Стою, тру мелом кий. Елизаров молчит, ждет. Хорошо меня уже изучил. Не зря прибли-зил к себе, приметив его в бытность управляющим в доходном доме, где у меня тайная квар-тира для прогулок по Москве инкогнито.

Да. Как ни крути, а прикольно быть царем.

Вот дал фактически зеленый свет подготовке к экстренному наступлению. Почему дал? Уверен в успехе? Нет, не уверен. Но не дать такой приказ я не могу, иначе, как говорится, пушки начнут стрелять сами. Слишком рвутся в бой мои генералы. Откажусь наступать – и получу мятеж. Заговор в армии уже практически созрел, слишком я тянул с миром, слишком многие стали думать, что я сливаю победу немцам. Собственно, лишь случайность предотвра-тила начало выступления – гибель в Тифлисе великого князя Николая Николаевича, которого заговорщики собирались поставить во главе армии и, вероятнее всего, посадить на трон. Но сам заговор никуда не делся. Мои спецслужбы копают, но пока лишь мелкая и средняя рыбешка – генералы средней руки, вроде того же Деникина. Но это все не то, не тот уровень. А начни мы сейчас аресты, то кто поручится, что мятеж не вспыхнет немедленно?

Да, я принял меры безопасности. Да, обе столицы набиты верными мне войсками, да, общественное мнение за меня, и мне сейчас нечего опасаться многотысячных демонстраций, ибо они если и будут, то только в мою поддержку. Пока, во всяком случае. Но разве это гаран-тирует меня от пули в голову или от бомбы в машину?

И вот как в таких условиях мне отправлять сына Георгия в Звездный лицей в Звездном же городке? Я обещал, да и что ему тут делать, когда пионерский лагерь из-под моих окон уедет в августе учиться? А как я обеспечу охрану шестилетнему мальчику? Среди тысяч других детей в лицее! Однажды Георгия с матерью уже захватывали революционные террористы, и мальчик выжил лишь чудом, а его мать убили прямо у него на глазах!

Тем более что заговор генералов не единственный. Те же крупные землевладельцы вновь поднимают голову, напуганные обещанной мной земельной реформой. Родовитая аристокра-тия, недовольная моим законом о служении, по которому любой дворянин, вне зависимости от пола, титула и состояния, должен был служить отечеству не менее сорока лет. Никаких лежа-ний на солнышке и чесаний дворянского пуза больше не позволялось. Кому понравится такое? Верно, никому.

Мог я этого всего не делать? Нет, не мог. Ибо только так я сумел предотвратить хаос революции, фактически возглавив ее и став ее государем.

– Что еще обсуждают в свете?

Евстратий усмехнулся в бороду.

– Свадебку обсуждают. Будущую.

– Чью же?

– Вашу, государь.

Распрямляю спину, опершись руками на край стола.

– И?

Тот пожал плечами.

– Да ничего особенного. Ваши виды на Италию, принцессу Иоланду, то, как она закрутила все в Риме вокруг своей особы, невзирая на свой юный возраст. Никакие поставки из Италии в Россию больше без нее не делаются... И вот еще что, государь...

Я напрягся. Этот тон я уже узнаю, и ничего хорошего он не сулит.

– Говори.

Елизаров как-то крякнул, но все же мысль закончил:

– Вы бы, государь, сыну-то про свадебку сказали сами, а то, неровен час, кто чужой скажет, да перекрутит все. Знаете сами, как оно бывает...

М-да. Вот и еще одна проблема на мою голову.

Глава III. Все приходит в движение

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО». 30 июня (13 июля) 1917 года

Наша игра с Елизаровым затянулась до позднего вечера. Мне было о чем подумать, а он, само собой, никуда от царственной особы не торопился, тем более что при этой особе он и состоял камердинером. Так что гремели разбиваемые пирамиды, щелкали друг о друга шары, а игроки играли сугубо на интерес, пусть без особого азарта, но зато и без лишнего напряжения.

Я задавал вопросы, а мой неофициальный руководитель неофициальной же личной разведки давал пояснения, рассказывая о разговорах в высшем свете, о том, что говорят в домах сильных мира сего, у кого с кем дела и какие, кто и где оказался замешанным в каком светском скандале, кто из гвардейских офицеров в очередной раз грандиозно продулся или попал в какой-то значимый конфуз. Кто с кем спит, кто о ком сплетничает, кто против кого плетет интриги.

Разумеется, в докладе были и основные тренды дня – обсуждение «Героев Осовца», заговора против моей высочайшей особы, моей предстоящей свадьбы, в скорости которой, как выяснилось, были уверены практически все, да и тому подобные темы, которые неизбежны в любом столичном обществе, имеющем доступ к вершинам власти. Такая картина была всегда и, вне всякого сомнения, такой всегда и будет, при любой власти и при любом строе.

Естественно, у меня из головы не выходили слова Евстратия о том, что нужно поговорить с Георгием. Я откровенно страшился этого разговора и всячески его оттягивал. И не потому, что духу не хватало, а во многом потому, что чувствовал нестерпимую фальшь во всем происходящем. Для Георгия графиня Брасова была матерью, самым дорогим человеком, а для меня она была кем угодно, но только не любимой женщиной. Я если и скорбел о ней, то отнюдь не потому, что мне ее как-то в жизни не хватало. Но вот Георгий...

И мне приходилось подыгрывать сыну, когда он вспоминал о своей погибшей матери. Подыгрывать, стараясь не выдать фальшь и не слишком уж переигрывать.

Но теперь мне предстоял брак. И я должен об этом сказать, глядя ему в глаза, по прошествии всего четырех месяцев со дня гибели графини Брасовой. И реакция Георгия имела тут немаловажное значение. Сумеет ли он понять меня или сочтет мое решение черным предательством? Будь он года на два-три младше или на несколько лет старше, то, возможно, все было бы не так болезненно.

Но как объяснить шестилетнему мальчишке, что такое брак в интересах государства и династии? Не рассказать, а так, чтобы он это понял и своей сутью почувствовал? Ведь от этого зависят не только наши с ним отношения, но и то, как он будет относиться к своей будущей мачехе. Ведь фактически это именно так.

Слушая побасенки Евстратия, я думал над тем, что, по сути, я сам мало что знаю о своей избраннице.

Что я знал о ней? Из будущего (моего) не так уж и много. Да и то лишь поверхностно. Что-то где-то читал в контексте прихода Муссолини к власти и взаимоотношений дуче с королевской семьей. Ну вот не изучал я Иоланду целенаправленно! Да и с чего бы мне такая мысль вообще в голову пришла-то? Хорошо, что вообще хоть что-то помнил, да и то все больше какие-то обрывки сведений. Помню, что принцесса, в силу всех пертурбаций в Европе и в Италии, была выдана замуж за какого-то местного графа. Была вроде у нее куча детей, то ли пять, то ли шесть. Была весьма активна во всяких начинаниях, но развернуться не смогла или, что скорее всего, не имела возможности. Собственно, на этом мои познания и заканчиваются. А, вот еще, пожалуй, главное – никакими генетическими заболеваниями вроде не страдала. Правда, если мне память не изменяет, была у них в Савойском доме семейная черта, выражав-

шаяся в склонности к высокому росту. Ну, это дело такое, монарху лишний рост не помеха, говорю это с высоты своих нынешних 186 сантиметров. Так что это меня не слишком беспокоит.

А беспокоит меня совершенно иное. Со «свадебкой», как выражается Елизаров, действительно надо что-то решать. Понятно, что в эту эпоху такие вопросы на раз-два не решались, но и затягивать процесс бесконечно не хотелось бы. В свете бурно развивающихся событий в Европе нам нужна большая определенность в отношениях с Италией. И как можно скорее.

Поэтому, давая возможность князю Волконскому изучить характер и личность принцессы Иоланды, более полно войти в курс происходящего в Риме, вникнуть в те расклады, которые имелись в Вечном городе вокруг королевского двора, и изучить мнение самих итальянцев о своей принцессе, я все же торопился с принятием трудного решения.

Не скрою, милая девушка Иоланда вызывала у меня определенную симпатию, но ведь на мой выбор будущей супруги влияли вещи куда более весомые, чем какие-то там чувства или симпатии.

Стратегический союз с Италией был важен России, причем куда более важен, чем возможный союз с Францией, реши я, к примеру, жениться на французской принцессе, как мне намекал генерал Жоффри. Равноправный союз ни с Францией, ни с Великобританией, ни с Германией, ни с США невозможен априори, поскольку Россия при любых раскладах окажется в подчиненном положении, которое будет дипломатично маскироваться статусом младшего партнера. Собственно, членство в Антанте и изначальный франко-русский военный союз фактически и поставил Россию в положение полуколонии в отношениях с Парижем.

Союз же с Италией вполне мог быть куда более гармоничным и стратегически выигрышным. От этого союза Россия могла получить многое, но и Италия получала совсем не мало. И наши две державы могли взаимно усилить друг друга. Так что при выборе между французской и итальянской принцессами для меня решение было очевидным.

Но рассуждая с государственных позиций, я не мог игнорировать и личный вопрос, вопрос будущей семейной жизни и будущих наших взаимоотношений. Так что я не смогу успокоить себя мыслью «не сойдемся характерами – разбежимся», ведь от этого брака зависит судьба огромного государства, зависят судьбы пары сотен миллионов моих подданных, поскольку влияние на события в стране и мире русская императрица имеет колоссальное, пусть даже и косвенным образом. У меня перед глазами были яркие примеры двух последних императриц. Я обеих знал лично и могу сравнивать. И могу сказать, что Александру Третьему, а значит, и России, с женой повезло, а Николаю Второму – нет. Кто знает, как сложилась бы история страны, если бы женой Николая стала бы не Аликс, а кто-то типа покойной Дагмары – Марии Федоровны, жены Александра III. Официально не вмешиваясь в дела царственного мужа и демонстративно отстранившись от государственных дел, она, уйдя полностью в тень императора, имела огромное влияние на происходящие события и на политику Александра Третьего, хотя тот часто этого даже не осознавал, настолько мягко и мудро она это делала.

Аликс же... Да, что тут говорить, все и так ясно.

Так что мудрый правитель должен учитывать и эту сторону вопроса – будет ли будущая супруга дополнять императора или же, наоборот, начнет пытаться вмешиваться во все и вся, задалбывая мужа и общество своими ценными советами.

Но смотря на вещи объективно, как я мог тут в чем-то быть уверенным? Ведь видел я принцессу лишь на фото да в официальной кинохронике королевского двора, а потому как я мог быть уверен в том, что наш брак сложится удачно?

Но главное – Георгий. От разговора с ним зависит если не все, то очень многое...

ИЗ СООБЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (РОСТА) от 1 июля 1917 года

По сообщению информационных агентств, сегодня в порту Бизерта произошел мятеж. Выступление вызвано отказом французской эскадры выступить из Туниса для участия в усмирении инсургентов Окситании. В настоящее время известно, что мятежом охвачены линкоры «Прованс» и «Франс», крейсер «Дю Шела», а также броненосцы «Дидро», «Жюстис», «Мирабо», «Вольтер» и другие корабли.

Из Австро-Венгрии продолжают поступать сообщения о беспорядках в этой стране. Волнения отмечены в Будапеште, Пресбурге, Праге, Загребе, Дебрецене и других городах.

Мы следим за развитием ситуации.

ПАРИЖ. ФРАНЦУЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО. 14 июля 1917 года

Генерал Петен мрачно разглядывал карту. Конфигурация условных обозначений подсказывала, что дела у обороняющихся довольно плохи. С одной стороны, англичане таки вошли в Париж, но с другой – слишком ситуацию это не улучшило, поскольку в столицу прибыли легкие пехотные соединения, вооруженные лишь винтовками да пулеметами. Основные же силы, включая артиллерию, все еще где-то там, на подступах к городу, и совершенно невозможно предсказать, когда их в реальности следует ожидать.

Нет, хвала небесам и за это, поскольку даже потрепанный в боях британский полк в нынешних условиях – это существенная помощь истекающему кровью Франко-русскому корпусу. Да и патроны англичане доставили в весомом количестве. Но пока, даже с подходом британского пехотного полка, перевес в тяжелом вооружении был за германцами, что неизбежно давало о себе знать все новыми сообщениями об отходе войск из очередного квартала столицы.

И самое паршивое в этом деле, что, судя по всему, каким-то неясным пока образом, невзирая на всю секретность, германскому командованию все же удалось узнать о том, что Петен прибыл в Париж, иначе как объяснить резко увеличившееся количество обстрелов из дальнобойных орудий района Лувра, Елисейского дворца и Тюильри? И это при том, что секретный бункер, в котором сейчас находится прибывший глава государства, находится совсем не там? Или это совпадение и проклятые боши просто стремятся разрушить гордость и историю Франции? С них станется.

Особенно настораживала смена тактики германской армии. Вместо ожидавшегося могучего натиска с целью овладения французской столицей до подхода к защитникам подкреплений, немцы неожиданно взяли паузу, после чего, судя по данным с мест, перешли к стратегии удержания. Боши явно укреплялись в городе и готовились к длительному противостоянию, попутно разрушая Париж всеми мыслимыми способами. Но чем вызвана смена тактики? Ведь не могут же в германском штабе не понимать, что с каждым днем увеличивается шанс, что к Парижу подойдут новые силы союзников?

Совершенно непонятная пока ситуация. Тем более что данные разведки свидетельствуют, что подход новых частей немцев к столице Франции практически прекратился. Что это значит? Кончились силы? Готовят удар в другом месте? Задумали хитрость?

Петен лихорадочно забегал взглядом по карте, пытаясь разгадать замысел противника и предугадать его возможные удары.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. 1 (14) июля 1917 года

Полковник внес пометки в свой офицерский планшет. Еще несколько рекогносцировок, и бойцы «трех топоров» начнут выдвижение на исходные позиции для броска за линию фронта.

Слащев закусил травинку и бросил взгляд на затихшие вражеские позиции. Да, где он только не был за последние пару месяцев, и на Румынском фронте, и на Кавказском, и вот теперь здесь, везде фронт вовсе не напоминал поле боя. Расслабились все.

Впрочем, передовая разведка, которая в последние дни возвращалась из-за передка, докладывала, что те же австрияки готовятся к русскому наступлению, но назвать это боевой

подготовкой было довольно сложно. Суета сует, прости господи. Митинги, митинги... Даже караульную и дозорную службу толком не ведет никто.

Проходной двор.

Нет, если здраво рассудить, то и в русской армии было нечто подобное не так уж и давно. Но, слава богу, все это непотребство уже позади. Хотя нельзя не признать, что сам полковник Слащев к этому всему непотребству имел самое прямое отношение, подняв шестого марта на мятеж свой лейб-гвардии Финляндский запасной полк. Тогда они здорово побузили и чуть было не изменили историю России, захватив Зимний дворец той ночью. Но уберег Господь императора и попустил грехи самому Слащеву, вовремя надоумив прекратить мятеж и явиться к государю с повинной головой. Пусть не за себя он тогда просил императора, а за тех, кого подбил на мятеж, но простил государь и полк мятежный, и самого полковника.

И не просто простил, но и повелел ему сформировать новый 777-й запасной пехотный полк, который на деле не был ни пехотным, ни тем более запасным. Лучшие, самые проверенные и ловкие воины ударных батальонов, хитрые и бесстрашные пластуны, опытные офицеры из батальонной и полковой разведки – в общем, все те, кто умел быть невидимым и неслышимым, кто мог появиться внезапно и в самом неожиданном месте, даже если место это глубоко в тылу неприятеля.

Но не только из таких бойцов и офицеров состоял полк. Были в нем сформированы отдельные роты и взводы, состоящие из владеющих языками народов Австро-Венгрии, Германии, Румынии, Османской империи и Болгарии. Подразделения тех, кто готов раствориться в тылу противника, сея хаос и неразбериху, вызывая смятение и заставляя допускать непростибельные ошибки.

Бойцы «трех топоров» готовились к тому, что государь именовал «концертом по заявкам». И они выступают. Где надо взрывая, где надо сея панику, а где необходимо, наоборот, сохраняя важный мост или перевал от разрушения.

Еще несколько дней, и полковник Слащев докажет государю, что тот не ошибся, помиловав его и доверившись ему.

Осталось нанести последние штрихи. Осталось совсем немного.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО». 2 (15) июля 1917 года

– Вы потребовали от Вены отвести австро-венгерские войска с указанных нами районов? Свербеев склонил голову.

– Глава нашей делегации в Стокгольме господин Шебеко передал наши требования австро-венгерскому представителю.

– Требуйте от них срочного ответа! Или Вена начинает немедленный отвод своих войск прикрытия с участка действия германских 10-й и 12-й армий, либо мы считаем их совместное нахождение с немецкими войсками частью агрессии против России. Со всеми вытекающими для Австро-Венгрии последствиями. А я не думаю, что в Вене не понимают, в каком состоянии сейчас их армия. Так что давите на них. Времени и у нас, и у них осталось крайне мало.

– Да, ваше величество!

Глава внешнеполитического ведомства поклонился и покинул кабинет.

Я вновь посмотрел на карту. Да, времени действительно осталось совсем мало.

ИЗ СООБЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (РОСТА) от 2 июля 1917 года

В Тунисе продолжается мятеж на кораблях французской эскадры в Бизерте. Как сообщают информированные источники, в настоящее время мятежные корабли готовятся к походу к южному побережью Франции, намереваясь присоединиться к инсургентам Окситании. Глава

Французского государства генерал Петен обратился к союзникам за помощью в восстановлении порядка в городе и порте Бизерта, а также на кораблях французской эскадры.

Мы следим за развитием ситуации.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО». 2 (15) июля 1917 года

Генерал Палицын водил указкой по расстеленной на столе карте Франции.

– Данные военной разведки показывают, что Германия начала переброску войск от Парижа. Пока затруднительно определить реальный объем, но косвенные данные говорят о значительном количестве железнодорожного транспорта, который задействован в этой операции. Конечная цель передислокации нам пока неизвестна.

– Это плохо, Федор Федорович! Можем мы хотя бы определить, оттягиваются силы на другой участок Западного фронта или куда-то в глубь Германии? И как давно это происходит?

– Государь, переброска германских войск осуществляется с соблюдением всех мер секретности, поэтому определить даже примерно, как давно это операция началась, мы пока не можем. Ясно, что это продолжается уже как минимум несколько дней. Судя по развитию ситуации вокруг Парижа и в самом городе, немцы пока не рассчитывают на прибытие подкреплений. Более того, в столице Франции и в оккупированных восточных провинциях германцы занялись активным укреплением обороны, явно предполагая оставаться на этих рубежах. По сообщениям из Парижа, немецкие войска даже оставили несколько ранее занятых ими кварталов, отходя на лучшие рубежи для организации обороны восточной части города. А германская артиллерия фактически перешла на тактику причинения Парижу максимальных разрушений, что явно указывает на то, что немцы не планируют в ближайшее время включаться в бои по овладению городом.

Что-то не нравилось мне в этой истории. Как-то все неправильно.

– Каковы ваши предположения касательно дальнейшего развития ситуации? Зачем им такие террористические артобстрелы?

– Сейчас трудно делать предположения, государь. Нельзя исключать, что в Берлине решили, что наступление исчерпало себя и нужно вновь переходить к стратегии позиционной войны, тем более что дальнейшее наступление, равно как и активные бои на улицах Парижа, могут привести к огромным потерям среди германских войск, а немцы такого позволить сейчас не могут, если не хотят обрушить и так невысокий моральный дух солдат. Да и в тылу могут начаться брожения. Так что силы могут перебрасываться для укрепления уже занятой территории. Впрочем, я не могу исключать и очередную хитрость со стороны германского Генштаба, а все эти переброски войск могут быть частью плана по дезинформации. Возможно также, что немцы готовят удар в совершенно неожиданном месте. Франко-руско-итальянские силы весьма растянуты на линии Париж – Осер – Шампаньоль, и я бы не исключал попытки прорвать фронт где-то здесь, либо в попытке охвата Парижа, либо в направлении на Лион с целью соединения с силами местных коммун и в попытке отрезать французскую группировку от итальянских сил.

Палицын указал на карте районы возможных ударов.

– Что касается террористических обстрелов, как вы, государь, метко их назвали, то, возможно, разрушая Париж, в Берлине пытаются стимулировать Петена пойти на сепаратные переговоры.

Я хмуро прошелся по кабинету.

– Плохо, генерал, что все наши предположения основаны на «возможно», «не исключено» и «может быть». Что-то там, в Берлине, затеяли. Какую-то очередную подлость.

ГДЕ-ТО В НЕБЕ МЕЖДУ МОСКВОЙ И ЛИНИЕЙ ФРОНТА. 2 (15) июля 1917 года

Дирижабль плыл в ночном небе. Один из многих исполинов, которые направлялись сейчас в сторону фронта. словно трудолюбивые пчелки сновали по воздуху эти огромные аппараты, доставляя в войска все новые и новые припасы и оружие. Но сегодня в чреве этого гиганта к линии грядущей битвы отправились не ящики, не оружие или фильмы, туда самым коротким воздушным путем вылетели лучшие из лучших, что называется, цвет этой войны. Те, кто прошел ее без дураков, и те, кто отправляется туда еще раз, и отправляется добровольцем.

Собственно, весь Георгиевский лейб-гвардии его императорского величества полк желал отправиться на последнюю битву этой войны, но интересы империи требовали присутствия в столице хотя бы одного батальона из числа воинов самого проверенного полка России. И хотя командир элитного полка был не в восторге от этого, но пришлось приказным порядком один из батальонов оставить в Москве. Остальной же полк дирижаблями и железной дорогой в свои сроки отправился в Малороссию.

Генерал Тимановский плотнее запахнул свою шинель. Путешествие небом необычно, но дует тут хуже, чем в тамбуре поезда. Но все же забавно, господа! Презабавно! Наверняка именно так в будущем и будут доставляться войска на позиции. Пусть не все, но срочные войска, элиту армии, однозначно только так!

Стрекотали камеры, люди из Министерства информации уже привычно делали свою работу. Что ж, а им предстоит сделать свою. Уже скоро.

Плыл дирижабль в ночном небе. Верста за верстой оставались позади. Где-то там, внизу, занимают позиции остальные войска, где-то там, впереди, выгружаются у линии фронта остальные его солдаты, где-то рядом с ними выходят на исходные позиции полки Дикой дивизии, множество других полков и дивизий. Но это уже финал развертывания. Уже заняли назначенные планом места гвардейские корпуса, уже изготавились к всепокрушающему удару мощнейшие гаубицы, уже проверили моторы своих броневиков механики, уже готовы двигаться вперед пластуны. Императорская армия изготавилась к броску.

Заканчиваются последние приготовления. Еще немного.

Еще чуть-чуть.

Мы начинаем, господа.

Пора поставить точку в этой игре.

Хватит.

Мир.

ОТ РОССИЙСКОГО ИНФОРМБЮРО

Оперативная сводка за 2 июля 1917 года

В течение минувшего дня на Западном театре военных действий продолжались ожесточенные бои на улицах Парижа. Русско-французский корпус и присоединившийся к нему полк британских союзников героически обороняли от германских оккупантов столицу Франции. Особенно отличились подразделения капитана Сухарева и штабс-капитана Говорова. Отличившиеся представлены к государственным наградам.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО выразил СВОЕ ВЫСОЧАЙШЕЕ БЛАГОВОЛЕНИЕ героям обороны Парижа.

На юго-западе Франции русско-французские войска завершили охват Бордо, восстановив законность в Либурне, Марманде, Ажене, Морсане и других городах. Продолжается продвижение союзных сил для соединения с испанскими войсками в районе города Биарриц.

На других участках фронта ничего существенного не произошло.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО». 2 (15) июля 1917 года

Восемь тяжелых артиллерийских бригад ТАОН завершили передислокацию и заняли позиции в предписанных районах Юго-Западного и Румынского фронтов, хмуро поглядывая в сторону противника многочисленными крупнокалиберными стволами. Так что 36 единиц 305-мм гаубиц образца 1915 года, восемь 305-мм гаубиц системы Виккерса и 26 мортир системы Шнейдера образца 1914/15 годов калибром 280 мм, десятки французских и британских 240-мм минометов, равно как многие тысячи орудий и минометов калибром поменьше уже были готовы обрушить свои заряды на позиции противника. Причем на узких участках предполагаемого прорыва.

Вообще тяжелые орудия особого назначения в этой эпохе были прообразом артиллерии Резерва Главного Командования более позднего времени. Причем многие из этих орудий позднее доставили немало весьма неприятных минут нацистам, засевшим в «неприступной цитадели» Кенигсберга в 1945 году. Так что я смел полагать, что и в 1917-м они не посрамят себя. Тем более что позиции австро-венгерской армии были отнюдь не такими мощными, как у немцев в Кенигсберге двадцатью с лишним годами позднее.

По существу, можно было констатировать, что наша армия проводит развертывание даже с опережением графика. Уж не знаю, что повлияло решительным образом, но, несмотря на взаимные дразги и открытую неприязнь, и правительство, и военное ведомство, и сама Ставка являли миру образец согласованности и взаимных уступок. Я даже начал задумываться о том, имеет ли их взаимная неприязнь реальные основания, или они просто публично демонстрируют взаимную ненависть и неприятие, сговариваясь где-то там, у меня за спиной. Паранойя, скажете вы? Зато жив пока. Чего и вам желаю. Тем более что генеральский заговор никто не отменял.

Однако если отбросить в стороны пустые рассуждения, то вырисовывалась картина того, что войска вскорости будут практически готовы и полностью отобилизованы. Даже вечно недовольный всем и вся командующий ТАОН генерал-лейтенант Шейдеман докладывал о том, что боевых припасов для тяжелых орудий имеется в достатке. Что уж говорить о чем-то еще. В целом с учетом докладов можно было смело предполагать, что русская армия...

– Папá?

Я вздрогнул и отложил бумаги. Георгий виновато потупился и пробормотал:

– Мне сказали, что ты желал меня видеть.

Спохватываюсь с некоторой суетливостью:

– Да, сынок, конечно. Но не здесь. Давай лучше прогуляемся...

Мальчик несколько удивленно смотрит на меня, я же, досадуя на самого себя, запираю бумаги в ящик стола и приглашающе киваю на дверь. Лестница, холл, выход на улицу, и вот мы уже идем по тропинкам лесочка, который с каждым днем становился все более ухоженным. Надо будет построить садовника, что-то его ландшафтный дизайн меня начинает напрягать, а то так мы и до дворцового парка докатимся.

Но все равно хорошо. Птички поют. Тишина. Благость, одним словом. Да, это тебе не Москва.

– Чем занимались сегодня в пионерском лагере?

– Ну... Нам рассказывали об истории России. А потом пришел господин Циолковский и прочитал нам лекцию о жизни на Марсе.

Я не удержался от ухмылки и цитаты:

– Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, науке это неизвестно. Наука пока не в курсе дела...

Георгий моего юмора не понял и серьезно возразил:

– А господин Циолковский считает, что наверняка есть.

– Ну, если господин Циолковский так считает, то оно конечно.

Представив себе Константина Эдуардовича в роли лектора из фильма «Карнавальная ночь», я чуть не рассмеялся. Но тут же одернул себя. Не для того мы сегодня гуляем. Есть разговоры и поважнее мифических марсиан.

– А по истории России вы до какого момента дошли?

– До воцарения династии Романовых.

– Понятно. Кстати, сынок, ответь – а кто такой помазанник Божий?

Мальчик серьезно на меня посмотрел и ответил:

– Это – ты.

Да уж, устами младенца, как говорится...

– А если не брать меня персонально. Кто это вообще?

– Это государь император Всероссийский.

– Верно. А что, по-твоему, означает венчание на царство?

Георгий задумался на секунду, ища подвох в вопросе, затем ответил уже менее уверенно:

– Ну, это когда наследник престола становится императором.

Качаю головой.

– Нет, сынок, не совсем. Например, твой папа стал императором четыре месяца назад, а обряда венчания на царство и коронации еще не было. Так что это не одно и то же. Да, я – полновластный правитель России, но венчание на царство мне только предстоит. Но я не об этом хотел с тобой поговорить.

Мальчик пытливо смотрит на меня. А он реально повзрослел за эти месяцы. По взгляду никак не скажешь, что ему шесть лет. Удары судьбы не прошли даром, а общение с более взрослыми детьми ускорило и его собственное развитие. Впрочем, меньше чем через месяц ему исполнится семь. Целых семь лет. М-да.

– Я хотел поговорить с тобой. И как отец с сыном, и как мужчина с женщиной, и как государь с графом. Пусть ты пока не приносишь мне присягу верности, но полагаю, что я смею на нее рассчитывать, а, граф?

Георгий несколько озадаченно на меня глянул, а затем склонил голову.

– Да, государь.

Нет, ну что за умница! Отвечаю так же официально:

– Благодарю вас, граф.

А затем заговорил уже значительно мягче, однако отнюдь не как с ребенком.

– Сын, пришла пора взрослого разговора. Дети императоров взрослеют быстро, и я уверен, что ты поймешь то, что я тебе сейчас собираюсь сказать. Да, император – помазанник Божий, ты верно это сказал. Он возвел меня на престол всероссийский, хотя я и не хотел этого. Человек предполагает, а Господь располагает. Так говорят. И это полностью относится ко мне. Я должен править и должен исполнять свой долг государя до самого конца, вне зависимости от желаний и обстоятельств. Ты меня понимаешь?

– Да, папа. Но...

– Что?

– Но ведь дядя Ники отрекся от престола. Выходит, он нарушил свой долг государя?

Серьезно смотрю ему в глаза. Он взгляд не отводит, вопросительно, но твердо глядя на меня. Да, мальчик далеко пойдет.

– Георгий, я мог бы сказать сейчас то, что говорю обычно другим людям про этот случай, но мы с тобой договорились говорить прямо и откровенно, как отец с сыном и как два дворянина нашей империи. Поэтому тебе я скажу так, как есть. Да, твой дядя Ники нарушил свой долг государя и свою присягу, данную Богу и народу. Да, были обстоятельства, которые могут объяснить то его решение. Объяснить, но не оправдать. Его решение отречься от престола едва не погубило Россию. Мы были на грани катастрофы, на грани революции и гражданской войны. В огне братоубийства погибли бы десятки миллионов русских людей, а держава наша

распалась бы на части. Вот цена малодушия императора. Ты слышал новости о том, что сейчас происходит во Франции?

– Да, папа. Германцы заняли три провинции. И еще там гражданская война.

– У нас все было бы значительно хуже, уж поверь мне на слово. Я знаю, о чем говорю.

Мальчик серьезно кивнул.

– Так вот, сын. Я не хотел короны, но и отказаться, зная, чем это все закончится, я тоже не мог, не имел права. И раз уж старший брат проявил малодушие, значит, я, как младший брат, должен был, словно на поле боя, подхватить падающее знамя и нести его вперед. Полк не существует без знамени, а империя без императора.

Мы какое-то время шли молча. Георгий обдумывал мои слова, а я не хотел ему мешать. Наконец мальчик тихо проговорил:

– Из-за того, что дядя Ники изменил своей присяге, погибла моя мама...

Я стиснул зубы. Да, под этим углом я на проблему не смотрел. Вот уж действительно.

– Да, сын. Получается так.

Помолчали. Каждый думал о своем. И я не хотел бы быть на месте Николая, когда тот посмотрит в глаза моему сыну. Что ж, за все надо платить. В том числе и за малодушие. И уж тем более за измену присяге. Я имел право так говорить, потому что знал, что Николай отрекся бы в любом случае, и мое появление в этом времени изменило лишь ход истории, но отнюдь не это позорное обстоятельство. Что ж, пусть им там, в поезде, икается. Ему и его драгоценной Аликс.

– Впрочем, сын, дядя Ники своим отречением породил проблему, которую нужно срочно решать. Наши законы не позволяют императорам отречься. И уж тем более отречься за сына. Мы уже имели заговор и мятеж в попытке посадить Алексея на трон. Мятеж подавили, но мое положение очень зыбко. Угроза еще не минула. И если переворот случится, то не пощадят ни меня, ни тебя, понимаешь? И не важно, что ты не имеешь прав на престол. Это ничего не изменит. Ты можешь погибнуть в любом случае.

Георгий поежился, но затем расправил плечи и посмотрел с каким-то вызовом.

– Но ты же не дашь им устроить переворот?

Смотрю ему в глаза и серьезно киваю.

– Не позволю.

Мы вновь пошли по дорожке. Я продолжал говорить.

– Однако такое положение опасно и нетерпимо. Неопределенность во власти ставит Россию перед лицом смутного времени. Вам должны были рассказывать о временах Древней Руси. Тогда раздробленная Русь не устояла и на несколько веков попала под иго. Было в нашей истории еще несколько периодов неопределенности во власти. Было так во времена, когда пресеклась прямая ветвь Рюриковичей на российском престоле. Тогда Смута обрекла Россию на многие годы бед, а саму ее едва не победили поляки, взявшие Москву и даже пытавшиеся посадить на русский трон своего короля. Русь тогда выстояла, и на царство была призвана династия Романовых. Прошел век, и Петр Великий допустил ошибку, внес беспорядок в правила престолонаследия. И в России вновь начался беспорядок, именуемый историками эпохой дворцовых переворотов. Лишь Павел Первый смог восстановить определенность в этом вопросе, и более чем сто лет в России не было угрозы смуты.

Георгий проговорил с расстановкой:

– Пока дядя Ники не отрекся от престола.

– Да, ты все правильно понял. Мы вновь на пороге смутного времени. Мои собственные права на трон могут быть оспорены, как только моя власть ослабнет. Но хуже всего, что и с моим наследником все плохо. Ты хоть и мой старший сын, но по закону прав на корону не имеешь.

Мальчик вздохнул как-то слишком уж по-взрослому.

– Я знаю. Бабушка говорила. Мама тебе была не ровня. Мор-га-на-ти-ческий брак, так правильно?

– Да, сын. По закону дело обстоит именно так. Я любил твою маму и не планировал становиться императором. Для меня это все не имело значения.

Ложь во спасение? Откуда мне знать, любил мой прадед графиню Брасову или нет? Вполне может быть. Да и что я мог сказать в данном случае?

– Да, папа. Я знаю...

– Однако сейчас это обстоятельство приобрело решающее значение. Поскольку ты не можешь наследовать трон, то моим официальным наследником является Павел Александрович. Это очень опасная ситуация и для меня, и для тебя, и для всей России.

– Ты собираешься еще раз жениться?

Георгий серьезно посмотрел на меня.

Блин, и чего я тут распинаюсь битый час, а? Я даже несколько растерялся от такого вопроса. Да, я планировал подвести к нему тему, но такой вот встречный вопрос меня даже несколько выбил из колеи.

Однако не позволяю себе в этот ответственный момент задать какой-нибудь глупый вопрос или начать что-то блять в оправдание. Это окончательно погубит наши отношения и доверие между нами. Потому отвечаю, не отводя взгляда:

– Да.

Сын молчит пару мгновений, затем хмыкает каким-то своим мыслям.

– На принцессе из Италии?

Мы несколько секунд смотрим друг на друга, а затем совершенно неожиданно Георгий прыснул от смеха.

– Ты бы видел свое лицо, па-а!!!

И мы заржали. Хохотали до слез, упав в траву и тыча друг друга в бока. Напряжение уходило, уходила в прошлое недосказанность, взаимное недоверчивое опасение, боязнь все испортить и разрушить. Переворачивалась страница, и на наших глазах рождалась новая история, новая глава нашей жизни.

Наконец, отсмеявшись, мы легли на траве бок о бок, глядя куда-то в бесконечную синеву неба.

Не утерпев, я привстал на локте и спросил:

– Так откуда ты узнал-то? Кто сказал?

Георгий глянул на меня насмешливо.

– Папа, я, может, и маленький, но не глупый. И газеты читать умею. Там только про эту принцессу Иоланду и говорят. Да и вообще в лагере это ни для кого давно не секрет.

Я хмыкнул. Вот так дела. Где там моя хваленая разведка?

– И что ты про это все думаешь?

Мальчик вздохнул.

– Знаешь, пап, когда я об этом узнал, я убежал в лес и долго там плакал. Много всего наговорил. Обидного, наверное. Не знаю. Потом меня нашел казак Тимофеев, весь такой испуганный. Испугался, что я... В общем...

– А почему ты ко мне не пришел?

Георгий покачал головой.

– Нет, пап, было бы только хуже. В общем, я успокоился и стал думать. Беду с наследием мне еще бабушка рассказывала, что сложно все очень. Понял, что нужен тебе законный наследник. Иначе беда. И раз уж я не могу быть цесаревичем, то что ж... Я видел портрет этой Иоланды в газете.

М-да.

– И как она тебе?

Сын, вздохнув, сообщил:

– Красивая.

И поставил точку в нашем разговоре, дав разрешение:

– Женись, чего уж там.

ИЗ СООБЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (РОСТА) от 3 июля 1917 года

По сообщениям из Рима, в ответ на просьбу главы Французского государства генерала Петена к берегам Туниса отправлена итальянская эскадра во главе с флагманским кораблем линкором «Данте Алигьери». Численность и состав военно-морской группировки не разглашается.

Также в Тунис перебрасываются силы Итальянской королевской армии из Ливии.

Мы следим за развитием ситуации.

ИМПЕРСКИЙ ТЕЛЕГРАФ. 3 (16) июля 1917 года

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО! ПО ДОНЕСЕНИЯМ ГЛАВКОСЕВА ГЕНЕРАЛА БАЛУЕВА И ГЛАВКОЗАПА ГЕНЕРАЛА ДРАГОМИРОВА НА УЧАСТКАХ СЕВЕРНОГО И ЗАПАДНОГО ФРОНТОВ ОТ РИГИ ДО МОЛОДЕЧНО ОТМЕЧЕНЫ АКТИВНЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ СО СТОРОНЫ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ. ВОЗМОЖЕН УДАР ГЕРМАНЦЕВ ПО ЛИНИИ РИГА – ПСКОВ. ОБОРОНА ПРИВЕДЕНА В ПОЛНУЮ ГОТОВНОСТЬ. ГЛАВКОВЕРХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ ГУРКО.

Глава IV. Тотальная война

ИЗ СООБЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (РОСТА) от 4 июля 1917 года

Как сообщается, итальянский флот блокировал выход мятежных кораблей французской эскадры из порта Бизерта. Боевые корабли Итальянского королевского флота взяли на прицел мятежников, которым предъявлен ультиматум о прекращении мятежа, сходе экипажей на берег без оружия и сдаче законным властям Единой Франции. Срок ультиматума истекает завтра в полдень по местному времени.

Мы следим за развитием ситуации.

НЬЮ-ЙОРК. США. 17 июля 1917 года

Бравые солдаты под приветствия многотысячной толпы шагали по Пятой авеню. Впереди их ждала погрузка на «Левиафан», с тем чтобы буквально через считанные дни ступить на французскую землю в порту Гавра.

Реяли звездно-полосатые флаги, толпа бесновалась, летели с крыш и окон небоскребов ленты и какие-то бумажки, играли оркестры. Америка провожала на войну в Европу свою первую дивизию Экспедиционного корпуса. Благо гигант «Левиафан» мог принять на борт их всех. Так и пойдет этот гордый красавец через Атлантику, сопровождаемый транспортными судами с полагающимся дивизии по штату добром и техникой, а также кораблями боевого охранения американского флота.

А пока наслаждались brave солдаты минутой славы, маршируя и улыбаясь всем тем, кто пришел их приветствовать и проводить.

Зауряд-капитан Русской армии инженер Маршин с интересом посматривал на проходившее мимо него американское воинство. Да, эти ребята будут во Франции очень и очень кстати. Целая дивизия. Пороху они, понятно, не нюхали, но как-нибудь оботрутсЯ и где-то да пригодятся. Даже если пока не на фронте, то хотя бы для восстановления порядка в той же Нормандии или Окситании. Целая дивизия – это огромная сила для подобных задач.

Тем более что это лишь первая ласточка. Насколько он помнил, дальше отправки пойдут с завидной регулярностью. Так следующим к отправке уже готовится 369-й пехотный полк. Правда, Маршин не был уверен в том, что этот конкретный полк будут так же бурно приветствовать, зная резкое предубеждение основной массы американских обывателей к своим чернокожим согражданам. А там таких вот сограждан как раз целый полк и набрался. Первый афроамериканский полк армии США. Отнюдь не элита, разумеется, да и задачи у них там будут не самые... Прямо скажем, для самой грязной работы и в самых плохих местах отправляется во Францию этот полк. Но они и этому рады.

А пока крики толпы становились все более возбужденными, времени у самого Маршина оставалось все меньше. Пора собираться. Его ждал Чикаго.

ОТ РОССИЙСКОГО ИНФОРМБЮРО

Оперативная сводка за 4 июля 1917 года

Доблестные воины русского 6-го Особого ее высочества принцессы Иоланды Савойской полка совместно с франко-британскими союзниками продолжают мужественно защищать французскую столицу от германских варваров. Сообщается о стабилизации линии фронта и переходе боев в стадию позиционных и в самом городе, и в его окрестностях. Германская артиллерия продолжает вести варварские обстрелы Парижа, нанося исторической части города невосполнимый ущерб. Имеются многочисленные жертвы среди мирного населения.

На остров Корсика высажен десант Итальянской королевской армии. Под контроль законного правительства генерала Петена перешли города Бастия, Лорго и Алерия. Операция продолжается.

На юго-западе Франции русско-французские войска продолжают полицейскую операцию против банд местных инсургентов. Сообщается о массовом паническом бегстве сторонников режима Садуля из Бордо, Биаррица и Тулузы.

Командование совместных союзных сил планирует завершить операцию по восстановлению законности в регионе в самое ближайшее время. С целью высвобождения сил для обороны Парижа и операций в Окситании согласована временная передача региона Нормандии под полицейский контроль великобританских сил. На основании утвержденного плана сегодня части британской армии вошли в город Рен.

На других участках фронта ничего существенного не произошло.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО». 4 (17) июля 1917 года

Глядя на морского министра, я невольно поймал себя на забавном сходстве двух моих министров. Собственно, оба они были, каждый по-своему, разумеется, внешне очень похожи на литературного Дон Кихота. Высокие и худощавые, преисполненные степенного утонченного благородства, тонкие черты вытянутых лиц и все то, что приходит на ум, когда вспоминаешь героя романа де Сервантеса. Вот только адмирал Русин был, так сказать, аристократом в первом поколении, пожалован наследным дворянством за службу и чин и вписан в связи с этим во вторую часть дворянской родословной книги. Родившись в семье священника, Александр Иванович ступень за ступенью делал военно-морскую карьеру, принимая участие вот уже в третьей войне.

В отличие от адмирала, карьерный дипломат господин Свербеев происходил из старинного дворянского рода, берущего свое начало аж в XIV веке, в легендарные времена Ивана Калиты, времена, когда последний был еще всего лишь княжичем. Разумеется, столбовой дворянин Свербеев был вписан во все ту же дворянскую родословную книгу, но только в ее самые почетные шестую и седьмую части. Но, в конце концов, родоначальник древнего рода некий Свербей, как и адмирал Русин, тоже ведь когда-то был первым, не так ли?

А вот потомственный дворянин Лифляндской губернии генерал Палицын являл собой образец типичного русского военного этого времени – обычное лицо старого вояки и борода в стиле отправленного в Крым нашего любимого брата Николая ничем внешне не выделяли его из основной массы собратьев в русском генералитете.

Совещание меж тем шло своим чередом, и министр обороны продолжал свой доклад:

– Мы выиграли время и восстановили боеспособность нашей армии. Теперь пришла пора поставить точку, и пришла пора действовать. Ситуация дает нам шанс. Имеющий место мятеж 81-й бригады венгерского Гонведа пытаются подавить силами австрийского ландвера. Однако в австро-венгерской армии одиннадцать пехотных и две кавалерийские дивизии укомплектованы венграми, и вообще венгры составляют пятую часть всех их вооруженных сил. Причем порядок в провинциях поддерживают силы, укомплектованные из местных, так что сложно ожидать от них серьезных действий против бунтующего населения. Тем более что их основные силы практически утратили боеспособность и разбросаны по трем направлениям: итальянскому, балканскому и российскому. Положение Австро-Венгрии настолько шатко, что сильный удар практически гарантированно выведет эту державу из войны.

Слово попросил Свербеев.

– Государь! Как глава внешнеполитического ведомства, я хотел бы обратить внимание на стратегические риски для России, которые с большой долей вероятности возникнут при катастрофическом выходе Австро-Венгрии из войны. Распад Двуетной монархии превратит

огромные территории в бушующий клубок противоречий, аналогичный тому, что мы имели на Балканах в связи с местным распадом Османской империи и появлением новых государств вроде Сербии, Черногории, Болгарии и прочих. Мне представляется сохранение ослабленной, но единой Австро-Венгрии более предпочтительным для нас вариантом, чем появление своры голодных и молодых держав, которые немедленно станут воевать друг с другом, как это имело место на Балканах все последние годы перед Великой войной. Да и сама мировая война вспыхнула именно в этом регионе. Зачем России еще одна пороховая бочка, да еще и непосредственно у наших границ? К тому же Австро-Венгрия может хоть как-то уравнивать растущую силу Германской империи, а так мы останемся с немцами один на один.

– И что вы предлагаете?

Свербеев четко и быстро заговорил:

– Я, ваше величество, могу рекомендовать использовать военную силу для ускорения выхода Австро-Венгрии из войны, но никак не для ее разгрома и распада. Именно эти соображения должны ставиться во главу угла при планировании боевых действий. Сейчас в Стокгольме продолжаются консультации с делегацией из Вены. Как докладывает господин Шебеко, австрийцы, похоже, всерьез растеряны. Как сказал австрийский представитель в разговоре с глазу на глаз, неизвестно, выиграет Германия войну или нет, но Австро-Венгрия ее, похоже, точно проиграла, вне зависимости от итогов. И их задача сейчас просто спасти государство от распада. Даже ценой территориальных потерь и уступок.

– Надеюсь, много лет отслуживший послом в Австро-Венгрии господин Шебеко понимает, о чем говорит.

– Безусловно, государь. Господин Шебеко имеет четкие инструкции, а представители австро-венгерской делегации хорошо ему знакомы лично. Потому я рекомендовал бы отложить наступление. наших целей мы вполне можем добиться и не кладя на поле боя тысячи наших солдат. А повоевать всласть наши генералы могут и на Кавказе.

– Дозволите, ваше величество?

Я кивнул, и Палицын пошел в атаку:

– Затягивание разгрома Австро-Венгрии позволяет Германии перебрасывать дополнительные силы на наш фронт. Активность немцев в районе Риги говорит о возможном наступлении на этом участке. Дипломатические игры хороши, когда есть возможность играть вдолгую. У нас же каждый час на счету. Пока у австрийцев заваруха внутри страны, пока там полный разлад в армии и управлении, мы должны воспользоваться моментом. Австро-Венгрию надо сокрушать, и тогда Германия будет вынуждена запросить мир. Мир, к которому мы подойдем с очень сильными позициями, и вот тогда наступит время нашего МИДа. Отдельно хочу заметить, что, по моему убеждению, сейчас переговоры с дипломатами двуединой монархии не стоят потраченного времени. О чем бы мы ни договорились, австрийские военные просто не дадут им этого сделать. Тем более, если зайдет речь о значительных территориальных уступках. Пока армия не будет разгромлена, все разговоры не имеют смысла.

– Хорошо, я понял вашу точку зрения. – Свербееву: – У вас, Сергей Николаевич, есть, по моему мнению, буквально несколько дней на дипломатию. А потом заговорят пушки, и тогда, как говорится, живые позавидуют мертвым.

Свербеев поклонился.

– Да, государь.

Вновь обращаю взор на Палицына:

– Что американцы?

– В порту Нью-Йорка начата погрузка на лайнер «Левиафан» и суда обеспечения частей первой дивизии Экспедиционного корпуса США в Европе. Прибытие первых судов во Францию ожидается десятого июля. Для обеспечения безопасности перебрасываемых войск будут

задействованы корабли американского и британского флотов. По плану разгрузка прибывающих частей будет происходить в порту Гавр.

– Когда они придут на фронт?

Палицын ответил, не заглядывая в бумаги.

– Американцы пока уклоняются от ответа на этот вопрос. Говорят лишь, что им потребуется некоторое время.

Киваю. Что ж, если все пойдет как шло в моей истории, то американцы хорошо если осенью будут готовы. Помнится, прибыли первые части в июне 1917-го, а на фронт первая дивизия попала лишь в октябре. Сейчас уже вторая половина июля по европейскому календарю, а значит, если так, то и ноябрь вполне реален. Так что прибывшие вполне могут повторить боевой путь своих коллег из моей истории и реально начать воевать не раньше марта 1918 года.

Так что пока это все лишь декларация о намерениях и демонстрация будущей силы. Ну, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Я больше уповаю на американскую военно-техническую помощь России и на ленд-лиз.

Вслух же я сказал с оптимизмом в голосе:

– Вряд ли это будет большим секретом для германского Генштаба. Не думаю, что в Берлине не понимают опасность появления в районе Парижа или в любом другом месте фронта свежей и хорошо оснащенной дивизии. Правда, с боевым опытом у янки пока все плохо, но свое весомое слово они на отдельном участке могут сказать. Так что для Берлина это не очень хорошие новости.

Взяв паузу, добавляю уже менее оптимистично:

– Однако, господа, в данный момент мы наблюдаем не усиление, а ослабление союзной группировки на Западном театре военных действий. По согласованию с Петеном британцы берут под контроль Нормандию, для чего где-то надо брать дополнительные силы. Одних только войск, перебрасываемых из бунтующей Ирландии, им не хватит. Да и много ли они смогут вывести из Ирландии? К тому же заметно уменьшились силы Хоум-Флита, что также не может не вызвать беспокойства.

Слово попросил адмирал Русин.

– Дозволите, государь? В британском адмиралтействе полагают, что германским подводным лодкам будет дана команда любой ценой топить транспорты с войсками на подходе к Франции. В связи с этой угрозой силы Град-Флита в Атлантике и в районе Северного моря укреплены за счет кораблей 2-го дивизиона Флота метрополии.

– Может, и так, адмирал. Но главный калибр орудий Хоум-Флита обеспечивал серьезное прикрытие британских позиций вдоль северного побережья Франции. Первый лорд адмиралтейства адмирал Джеллико рискует, ослабляя Хоум-Флит в Ла-Манше.

Морской министр пустился в пояснения аргументов адмиралтейства (британского):

– Возможно, государь. Но в Лондоне считают обеспечение переброски американских войск в Европу задачей высшего приоритета. Тем более что германский Флот открытого моря после Ютландского сражения не рискует выходить из базы в Вильгельмсхафене, больше полагаясь на эффективность подводной войны. Так что командующему Гранд-Флитом адмиралу Битти понадобятся все возможные резервы для встречи и защиты транспортов с американскими войсками.

Слово вновь взял министр обороны.

– Ваше величество, по уверениям, которые мы получили от британского военного командования, решение о взятии под контроль Нормандии было продуманным, хотя и вынужденным. Англичане в Пикардии хорошо укрепились, а немецкое наступление на Париж лишило Германию всех резервов на этом участке. Тем более что по всем разведанным, и нашим, и союзников, основная масса выводимых немцами войск перебрасывается в глубь Германии. Поэтому британцы прогнозируют возможность наступления противника именно на русском фронте.

– Ну, тут не надо быть семи пядей во лбу для такого прогноза. Немцы так действовали всю войну, перебрасывая дивизии с востока на запад и наоборот. Главное, чтобы мы угадали направление главного удара немцев. Если, конечно, этот удар действительно состоится в ближайшее время. На этом я благодарю вас, господа. Все свободны.

ИЗ СООБЩЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (РОСТА) от 5 июля 1917 года

По сообщениям из Бизерты, часть кораблей мятежной эскадры французского флота попыталась сегодня на рассвете прорваться сквозь блокаду. В результате морского сражения между мятежниками и кораблями Итальянского королевского флота были потоплены французские корабли – линкор «Прованс», броненосцы «Дидро» и «Мирабо». Линкор «Франс» и крейсер «Дю Шела» получили тяжелые повреждения и спустили флаги.

Оставшиеся в гавани Бизерты корабли прекратили мятеж, сложили оружие и сдались вошедшим в Бизерту войскам итальянской армии.

Потери итальянского флота уточняются.

Мы следим за развитием ситуации.

ЗАЯВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА от 6 июля 1917 года

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ повелел Российскому телеграфному агентству сделать заявление.

«Его Величеству Королю Итальянского королевства Виктору Эммануилу III.

С болью узнали МЫ о горе, постигшем братский итальянский народ. Известие о героической гибели в сражении при Бизерте флагмана Итальянского королевского флота линкора “Данте Алигьери” всколыхнуло всю Россию.

От имени всего народа НАШЕГО выражаем соболезнования семьям погибших героев и сочувствие всему итальянскому народу.

Гибель 915 лучших сынов Италии не будет забыта и не может быть прощена.

Мир и спокойствие будут восстановлены. Виновные понесут кару.

В знак сочувствия и поддержки братскому итальянскому народу ОБЪЯВЛЯЮ в России 7 июля днем траура.

МИХАИЛ ВТОРОЙ, ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ».

ИЗ СООБЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА PROPPER NEWS. 19 июля 1917 года

По сообщениям очевидцев, основные силы российского Черноморского флота покинули бухту Севастополя и вышли в открытое море. Цель похода держится в строжайшей тайне.

Мы будем держать наших читателей в курсе информации о развитии ситуации.

РИМ. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД КВИРИНАЛЬСКИМ ДВОРЦОМ. 6 (19) июля 1917 года

– Ваше королевское высочество! Разрешите преподнести вам в дар от нашей фирмы этот скромный знак благодарности и любви, которую, вне всякого сомнения, испытывают к вам все подданные Итальянского королевства!

Иоланда, в полном соответствии с протоколом, величественно обозначила готовность принять подношение.

Синьор Фраскини рассыпался в любезностях и буквально захлебывался от восторга, описывая прелести и достоинства подарка.

– Ваше королевское высочество! Соблаговолите оценить это чудо технической мысли. Собранный мастерами нашего предприятия автомобиль «1911 Isotta-Fraschini Tipo PM Roadster». Данный экземпляр изготовлен лично для вашего высочества и полностью собран вручную. Использованы самые изысканные материалы для отделки, а форсированный мотор позволяет разогнать автомобиль до 160 километров в час! Обратите внимание на отделку салона!

Принцесса с достоинством обошла сверкающий автомобиль, на дверцах которого красовался ее личный герб, а на радиаторной решетке горела золотом надпись «Иоланда Савойская».

Да, подарок был хорош. Во всех смыслах этого слова хорош.

– Прошу ваше королевское высочество опробовать автомобиль на ходу!

Иоланда кивнула и с высочайшим аристократизмом заняла место шофера. Двигатель взревел, и вспышки фотографов слились в сплошное сверкание, в ярких сполохах которого полированные до зеркального блеска бока и части автомобиля сияли, словно подсвеченные изнутри.

Принцесса величественным жестом подняла руку, приветствуя синьора Фраскини, столпившихся репортеров и прочих лиц, удостоенных чести присутствовать при данном событии, о котором, вне всякого сомнения, напишут во всех газетах, а модные журналы будут долго смаковать ее строгий черный наряд, сколь скромный, столь и изысканный. Все, что она сделает и скажет сегодня, будет долго на первых полосах прессы и главной темой разговоров в высшем свете. И не только в высшем, в этом нет ни малейшего сомнения.

Девушка едва удержала себя от желания прикусить губу. Нет! Нельзя! На тебя все смотрят! Будь образцом величественности и благородства!

Автомобиль тронулся с места, и Иоланда покатила на нем вокруг площади. Это не первое авто в ее жизни, машины она любила и водить умела очень хорошо. Но эта модель действительно вызвала восхищение даже на ее избалованный вкус. Было в ней что-то особенное, с благородным изяществом, пожалуй, могущее в чем-то даже посоперничать с ее любимыми породистыми скакунами из королевской конюшни.

Синьор Фраскини вот уже несколько дней умолял ее принять этот автомобиль в качестве подношения, но принцесса всякий раз отвергала, не желая связывать себя даже намеком обязательств, да и это могло нанести ущерб тому образу, который она старательно создавала все последнее время.

Но пришедшая вчера новость из Бизерты коренным образом изменила ее настроение. Невзирая на поднявшуюся суматоху, она добилась того, чтобы ее царственный отец не только принял ее, но и уделил ей целых четверть часа, что было чрезвычайно много в сложившихся условиях. Но король ее выслушал и в целом план ее одобрил, высказав лишь несколько мелких замечаний и дав пару дополнительных советов.

Затем уж у нее самой был полный встреч и распоряжений вечер, так что спать принцесса легла уже далеко за полночь. А утром нужно было не только решить все вопросы, но и выглядеть идеально!

Автомобиль плавно подкатил к ступеням дворца, где ее ждала толпа встречающих и репортеров. Грациозно покинув авто, принцесса Иоланда заговорила:

– Синьоры и синьориты, я принимаю подношение синьора Фраскини и благодарю его за все. Он учел все мои пожелания, хотя последние штрихи вносились этой ночью. Это прекрасный автомобиль, достойный королевского дома.

Она кивнула Фраскини, и тот мгновенно протянул ей какую-то табличку. Иоланда поставила изящный автограф, и пластину тут же прикрутили к приборной панели машины.

– Позднее мы заменим временную табличку с собственноручным автографом ее королевского высочества на золотую пластину с точной выгравированной копией подписи принцессы Италии.

Сказав это, Фраскини кивнул механикам, и те поспешили привести автомобиль вновь в идеальное состояние, избавляя его даже от намека пыли, которая могла осесть на машину во время короткой поездки по площади.

– Смиренно прошу ваше королевское высочество продолжать!

Иоланда обозначила кивок и заговорила вновь:

– Синьоры и синьорины, все вы знаете о той страшной трагедии, которая произошла вчера в водах Бизерты. Наша славная Отчизна потеряла своих лучших сыновей. Нет и не может быть прощения виновным. Вы все слышали высочайшее послание ко всем верным подданным, с которым сегодня обратился ко всем итальянцам мой царственный отец король Италии Виктор Эммануил III. И я могу лишь присоединить свой голос, свое слово сочувствия и поддержки всем, кто потерял родных и близких людей в этом бою.

Принцесса помолчала, обозначая траур. Подол ее черного длинного платья развевался на ветру. Повисла тишина, прерываемая лишь шелестом ветра в ветвях деревьев да стрекотом кинокамер.

– Предвосхищая неизбежные вопросы о том, зачем вас здесь собрали и зачем этот сверкающий автомобиль в такой день оказался в центре внимания прессы и общества, я хочу сделать заявление. Сегодня в Квиринальском дворце соберутся самые известные и самые богатые люди нашего королевства. Сегодня же этот, теперь уже мой, автомобиль станет главным лотом на благотворительном аукционе, на вырученные средства от которого я образую фонд «Данте Алигьери», средства которого пойдут на помощь семьям погибших, а также станут начальным капиталом, на который будет построен новый, самый великий боевой корабль в нашей истории. Естественно, имена всех, кто сделает приобретения на этом благородном аукционе, всех, кто сделает пожертвования в фонд, будут опубликованы в специальном именном издании фонда, а также будут переданы прессе. Италия должна знать имена тех, кто готов быть в трудную минуту верным сыном своей Отчизны.

Говоря все это, принцесса тщательно следила за своим лицом, мимикой, жестами, за тем, в каком ракурсе ее видят фотографы и кинооператоры. В этом деле впечатление может испортить любая досадная мелочь, после которой обсуждать будут не ее заявление и ее фонд, а какой-нибудь неосторожный жест или взгляд.

– Кроме того, при поддержке и одобрении короля, при поддержке правительства и Банка Италии наш фонд объявляет о выпуске облигаций займа на постройку этого нового и великого линкора. Уверена, что истинные патриоты нашего Отечества не останутся в стороне. А сейчас, синьоры и синьорины, я приглашаю вас во дворец, где вы сможете лично запечатлеть ход аукциона и наиболее щедрых патриотов Италии.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО». 7 (20) июля 1917 года

– Государь! Государь! Проснитесь!

– Че? Что за черт...

Я с трудом разлепил глаза. Елизаров настойчиво тормозил меня.

– Который час?..

– Три четверти седьмого утра!

– Твою ж дивизию наперекосяк, Евстратий! Я и двух часов не поспал... Что-то случилось?

– Случилось, государь, случилось. К вам со срочной депешей генерал Кутепов.

– Да уж, опять вести дурные...

– Как пить дать, государь. Дела недобрые, судя по лицу господина генерала. Государь, я вам таз с холодной водой принес. Не желаете умыться, прежде чем Кутепова звать?

– Да. Что ж. Изволь. Давай умываться.

Через пару минут, уже вытирая морду лица, я имел возможность лицезреть хмурую физиономию моего шефа императорской Главной квартиры.

Тот начал без предисловий:

– Ваше величество! Только что пришло сообщение. Германцы начали массированный обстрел Рижского укрепрайона. Было применено химическое оружие. Много жертв.

– Твою ж... Так, Евстратий! Срочно ко мне Палицына, Русина, Свербеева, Ванкова и Маниковского! А Суворина еще быстрее!

И уже Кутепову:

– Александр Павлович, организуйте мне связь со Ставкой.

РИГА. СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ. 7 (20) июля 1917 года

Применение германцами химических снарядов и бомб не стало для защитников Риги такой уж неожиданностью. Противогазы были у всех солдат, и противохимические учения проводились с завидной регулярностью. А уж после показа фильма «Герои крепости Осовец» даже те, кто относился к учениям спустя рукава, взялись за дело всерьез. Тем более что генерал Горбатовский побеспокоился о том, чтобы картину увидели практически все солдаты, от офицеров до самого последнего ездогого на кухнях. Причем, где было возможно, картину показывали каждый день. И для морального духа хорошо, и для дела полезно. Благо из Москвы прислали достаточное количество кинокопий и кинопроекторов.

Так что в войсках основные потери сегодняшнего утра были вовсе не из-за химической атаки, а, так сказать, все больше от обычных снарядов и бомб. Да и то потери, откровенно говоря, небольшие. Настораживало только то, что несколько десятков химических бомб было сброшено непосредственно на Ригу, что повлекло значительные потери среди мирного населения города. Особенно много бед принесла бомба, упавшая на рыночную площадь. Было ли применение химических зарядов против города результатом ошибок или это была осознанная политика, сказать было трудно. Впрочем, и тяжелые снаряды дальнбойной артиллерии противника вносили свой вклад в увеличение числа жертв среди гражданских.

Разумеется, такой обстрел города имел скорее психологические цели, поскольку основной целью обстрелов были многочисленные форты и укрепления вокруг города. Благо ни солдаты Двенадцатой армии, ни чины Рижского укрепрайона зря времени не теряли и все это время укрепляли свои позиции.

Благо назначенный четыре месяца назад начальником Рижского УРа член главного крепостного комитета Военного министерства генерал-лейтенант фон Шварц имел богатейший и славный опыт успешной обороны от немца крепости Ивангород, равно как перед тем опыт обороны крепости Порт-Артур, еще в Японскую. И Алексей Владимирович все, что знал, и весь опыт, который в результате той осады получил, активно применял при подготовке города и района к долговременной и успешной осаде.

К тому же руководил непосредственными работами по «благоустройству» УРа генерал Голенкин, выдающийся специалист по фортификации и, так же как генерал фон Шварц, являющийся преподавателем и экстраординарным профессором Николаевской инженерной академии.

За четыре месяца было сделано многое вдобавок к тому, что уже было сооружено за годы войны и до ее начала. Фортификационные работы не прекращались ни на день, особенно усилившись во время объявленных новым императором «Ста дней для мира». Ни фон Шварц, ни Голенкин, ни сам Горбатовский не воспринимали перемирие иначе как отсрочку и шанс

успеть привести всю систему Рижского укрепрайона в нормальный системный порядок, позволяющий долгое время сдерживать противника, ведя оборону под непрерывным обстрелом.

Особенно внушало оптимизм, что крайне серьезно к подготовке Риги отнеслись не только начальники УРа и сам командующий 12-й армией, но и главнокомандующий Северным фронтом генерал Балухев, и Ставка в Могилеве, и Военное министерство, и Министерство вооружений, да и, как говорят, сам государь император. Во всяком случае, из Москвы старались дать все, что требовалось, и даже больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.